

Ca' Foscari
University
of Venice

Single Cycle Degree programme
in Science of language
"Computational linguistics"

Final Thesis

**O.O. Suleimenov – our contemporary
Turkic-slavist**

Supervisor

Ch. Prof. Alexander Naumow

Assistant supervisor

Ch. Prof. Marco Scarpa

Graduand

Redzhep Redzhepbaev

Matriculation Number 855000

Academic Year

2015 / 2016

План

О. Сулейменов – наш современник тюрко-славист

Глава I. Феномен О. Сулейменова

I.1 Важнейшие этапы биографии и общественной деятельности Олжаса Сулейменова

I.2 Поэтическое творчество и научно-исследовательская деятельность Олжаса Сулейменова

Глава II. Творчество Сулейменова:

II.1 Культурологические идеи Сулейменова о единстве мира;

II.2 Взгляды Сулейменова на историю древности и письменности в историко-лингвистических трудах;

II.3 Языковые концепции Сулейменова на примере работы.

III. Заключение.

Список литературы.

Введение

Моя работа посвящена творчеству нашего современника Олжаса Сулейменова, который является знаменитым казахским поэтом, лингвистом, тюрко-славистом, политиком и дипломатом.

В первой главе «Феномен О. Сулейменова» будет представлена его биография, поэтическая, общественно-политическая деятельность. Сулейменов был инициатором и лидером народного движения «Невада — Семипалатинск» (1989), целью которого было закрытие Семипалатинского ядерного полигона и других ядерных полигонов мира.

Во второй главе представлены его работы как русскоязычного казахского писателя по тюрко-славистике (культурологические идеи о единстве мира, взгляды на историю древности и письменности в историко-лингвистических трудах и языковые концепции). Он является автором исследований о происхождении древнетюркских языков и письменностей.

Его основная идея - братство культур и духовное взаимообогащение народов. Он считает, что расшифровка письменности, языков и легенд поможет по-другому взглянуть на Историю Человечества, которая является единой, но в которую «разделение и произвольная изоляция внесли замешательство». Олжас признан первым двуязычным читателем «Слова о полку Игореве». В силу своего происхождения он оказался на скрещении культур и традиций. Его лингвистическое мнение об историческом взаимодействии культур на евразийском пространстве получило наиболее законченное выражение в ставшей известной книге «Аз и Я» (1975). Однако многие советские русские ученые-историки, филологи и общественные деятели подвергли автора резкой критике. Книгу называли «антирусской», «диверсией», обвинив автора в национализме и пантюркизме, начались идеологические гонения, книгу запретили. Считали, что Олжас боролся с русским патриотизмом с позиций патриотизма тюркского, власти не принимали основной идеи, что русская культура издревле взаимодействовала с восточными, в частности с тюркскими степными культурами. Только в 2005 г. книга впервые вышла в России.

Впоследствии свои идеи Олжас воплотил в книге «Тысяча и одно слово». Она написана как универсальный этимологический словарь, в котором он объясняет происхождение прото-тюркских языков, прото-тюркской культуры и прото-тюркской истории.

Известность также ему принесли его исследования «Язык письма» о происхождении письменности и языка малого человечества. Его позиция: «Слово вечно и Слово сохраняет такую историю, такие глубокие смыслы, содержащиеся в древних культурах, которые со временем были утрачены».

Наш современник Олжас Сулейменов – человек мира. В течение 7 лет (1995-2002) он был чрезвычайным и полномочным послом Казахстана в Италии (Рим) и по совместительству в Греции и на Мальте, а в настоящее время постоянный представитель Казахстана в ЮНЕСКО.

В противоречивых условиях сегодняшнего мира, когда возрос поток миграции и остро встала проблема смешения культур, нам всем важно больше знать и изучать его идеи о единстве мира и о том, что общие усилия должны быть направлены на понимание того, что «наши предки не всегда враждовали».

ГЛАВА I. ФЕНОМЕН ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

"...судите народ по поэту»

Б. Слуцкий

I.1 Важнейшие этапы биографии и общественной деятельности Олжаса Сулейменова

Имя Олжаса Омаровича Сулейменова в сознании современников вызывает широкий спектр культурных ассоциаций. Удивительный поэт, филолог-исследователь с неординарным мышлением, тюрколог с наднациональным мировоззрением, непредвзятый исследователь вопросов славистики, популярный общественно-политический деятель Казахстана, искушенный дипломат – вот далеко не полный перечень его характеристик.

Олжас Сулейменов – знаменитый казахский поэт, лингвист, тюрко-славист, политик и дипломат. Творчество О.Сулейменова получило международное признание, а его исследования о роли тюрков в истории, о культурных взаимосвязях между народами интересуют многих ученых.

О. Сулейменов считает:

Нет химически чистых языков. Все они – результат синтеза, многочисленных встреч, контактов, скрещиваний... Я приводил примеры того, что в корейском языке 75 процентов китайских, а во французском – 25 процентов арабских слов. Это вовсе не унижает великий язык, но увеличивает, продлевает его историю. Недавно лингвисты на Украине подсчитали словоформы различных языков. Во французском – 100.000, в немецком – 185.000, в украинском – 186.000, а в русском – 346.000 словоформ! О чём это говорит? О том, что русский язык наиболее в этом плане историчен. Он не был закрыт для влияний. И конечно, в нем процентов тридцать – тюркизмы. Это же замечательно! И русские встречались с тюрками не только на поле брани. На поле брани можно позаимствовать – «ура». Или – «сабля». Или – «узда». А слово «друг»?¹

Неслучайно поэтому и то, что творчество самого Олжаса Сулейменова представляет собой синтез культур. В этой связи он сам неоднократно заявлял о себе: "...бытовой язык у меня казахский, но рабочий язык - русский... На языке не думают. На языке формулируют уже готовую думу»². В то же время родной казахский язык неоднократно был воспет Олжасом Сулейменовым:

Язык отцов, язык тысячелетий
Ты временем, как глина, обожжен
В тебе – удар меча и посвисти плети,
Мужская гордость и горячность жен,
В тебе звучат забытые наречья
Шумеров, гуннов, хрип монгольских слов.
Где ты рожден? В пожарах Семиречья?
Тебя по жилам к нам перенесло.
И ты звучишь, переполняя тело,

¹ Олжас Сулейменов. Биография // Сайт 45 Параллель [Электронный ресурс]. – URL: https://45parallel.net/olzhas_suleymenov (дата обращения: 26.11.2016)

² Янышев С. Олжас Сулейменов: «Мне нужна была ситуация борьбы и соперничества» // Портал «Новости Центральной Азии», 15.02.2007 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id>.

Ударом сердца, колоколом душ.
И как меня судьбою б ни вертело,
Клянусь тобою – я к тебе приду.
Так из далеких и счастливых странствий
Приходит сын к забытому отцу,
Приходит в ярком, дорогом убранстве,
В начале жизни или же концу.

Олжас Омарович Сулейменов родился 18 мая 1936 года в Алма-Ате в семье офицера Первого Казахского кавалерийского полка. Его отец, Омархан Сулейменулы, был расстрелян в 1937 году, как и многие другие военные, входившие в командный состав Красной Армии. Известно также, что родители Олжаса назвали своего сына в честь предка Олжабай-батыра, бывшего военачальником при хане Среднего жуза Абылае (18 век).

Детство Олжаса Сулейменова прошло в Алма-Ате, где его воспитывали родители отца.

Окончив среднюю общеобразовательную школу, в период с 1954 по 1959 годы Олжас Сулейменов учился в Казахском государственном университете на геологоразведочном факультете по специальности «Инженер-геолог, разведчик нефтяных и газовых месторождений»³. Тем не менее, работать по специальности ему практически не пришлось, если не принимать во внимание производственную практику в геологоразведочных партиях, которую он проходил на 4-5 курсах.

Чувствуя призвание к литературной деятельности, он в 1959 году поступил в Литературный институт им. М. Горького в Москве на отделение поэтического перевода. В поэтическом альманахе «45 параллель» об этом периоде в жизни поэта сообщается:

В 1958-м Олжас поступил на Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького в Москве на отделение поэтического перевода. Его творческим семинаром руководил известный поэт и опытный переводчик Лев Озеров. Молодой поэт писал стихи на русском языке, и поначалу его знали только на родине. Широкую известность он получил весной 1961 года. Уже была готова к печати его первая книга, когда за нелепую драку в общежитии Олжаса исключили из института⁴.

Причиной широкой известности Олжаса Сулейменова не только в Казахстане, но и далеко за его пределами стала поэма «Земля, поклонись человеку», написанная им в честь Ю. Гагарина.

11 апреля 1961 года он пишет вдохновенную поэму о космическом старте первого космонавта с Байконура в казахстанской степи. Эта поэма прославила его, с ней его отправили в Америку и Францию:

³ Официальный сайт Олжаса Сулейменова. Биография. [Электронный ресурс]. – URL: http://olzhas1001.com/Биография_содержимое.html (дата обращения 26.11.2016).

⁴ Олжас Сулейменов. Биография // Сайт 45 Параллель [Электронный ресурс]. – URL: https://45parallel.net/olzhas_suleymenov (дата обращения: 26.11.2016)

Разгадай:
Почему люди тянутся к звёздам!
Почему в наших песнях
Герой — это сокол?
Почему всё прекрасное,
Что он создал,
Человек, помолчав,
Называет — Высоким?...

Примечательно также то, что впоследствии на обелиске, установленном на месте гибели Юрия Гагарина, была начертана именно эта строка: "Земля, поклонись человеку".

В период с 1962 по 1971 годы Олжас Сулейменов вел литературную колонку в газете «Казахстанская правда» и руководил сценарно-редакционной коллегией республиканской кинематографической студии «Казахфильм».

В течение последующих десяти лет был секретарем правления Союза писателей Казахстана, а в период с 1977 по 1991 годы неоднократно избирался депутатом Верховного Совета Казахской ССР (1980—1984) и Верховного Совета СССР (1984-1989, 1989-1991).

В 1989 году создал и возглавил общественное движение «Невада - Семипалатинск», выступавшее за ядерное разоружение и прекращение ядерных испытаний в Советском союзе и других странах мира. Движение сумело достаточно громко заявить о себе и достичь своей цели – закрытия ядерного полигона в Семипалатинске.

Разумеется, успех движения во многом оказался обусловлен сложившимися общественно-политическими обстоятельствами (распад СССР и обретение Республикой Казахстан государственного суверенитета), однако роль лидера «Невада - Семипалатинск» в столь великом свершении все же трудно отрицать. Примечательно, что в честь народного движения «Невада – Семипалатинск» у входа в здание Союза писателей Казахстана был установлен монумент.

Однако движение «Невада – Семипалатинск» на этом не прекратило своего существования и было реформатировано в политическую партию «Народный конгресс Казахстана», лидером которой в 1991-1995 был депутат Верховного Совета Республики Казахстан Олжас Сулейменов.

В 1995 он оставил политическую деятельность и перешел в сферу дипломатии. В период с 1995 по 2001 годы он был Чрезвычайным и полномочным послом Республики Казахстан в Италии и по совместительству в Греции и на Мальте.

С 2001 года по 2013 год являлся постоянным представителем Республики Казахстан в ЮНЕСКО (Париж).

С 2014 года по настоящее время является президентом Казахстанского Фонда содействия ЮНЕСКО «Культура» и президентом Фонда «Тюркская пирамида»⁵.

Как видим, его послужной список, отражающий лишь трудовую и общественную деятельность, весьма внушительен. Он заставляет думать об Олжасе Сулейменове как о неординарной и чрезвычайно деятельной личности. Высокое служение общественным интересам, реальный, а не показной патриотизм этой личности могут, на наш взгляд, служить образцом для подражания.

Так, его взгляды на историю, при всей их дискуссионности для специалистов, отражают реальный общественный запрос на укрепление национального самосознания, возникший в Советском союзе в 1960-е годы и продолжающий иметь место и в сегодняшней общественной мысли во многих бывших союзных республиках.

Партийное руководство СССР и союзных республик сознательно стремилось к тому, чтобы нивелировать и ассимилировать все национальное в «советском», т.е. в некоторой искусственно создававшейся общности. Поступая так, оно, безусловно, заблуждалось и совершало если не преступление, то, по меньшей мере, стратегическую ошибку. Лишая народы бывшего СССР (в том числе, русский народ) собственной истории и собственной идентичности, большевики тем самым спровоцировали ответную реакцию, принявшую в ряде регионов формы агрессивного национализма, религиозного экстремизма, сепаратистских настроений и т.п., которые в гораздо большей степени, чем внешние воздействия и экономический кризис способствовали распаду СССР.

Однако деятельность таких людей как Олжас Сулейменов ни в коем случае нельзя смешивать с явлениями такого порядка. Люди, подобные ему или Чингизу Айтматову, Валентину Распутину, Расулу Гамзатову и другим, являются аристократами духа, которые никого не призывали и не призывают к нетерпимости того или иного свойства. Они просто боролись за право их народов на собственную идентичность, собственную историю, национальный язык.

В свете сказанного предстают абсурдными звучавшие некогда в адрес О. Сулейменова обвинения в «национализме», «пантюркизме», «методологических ошибках» и т. п. Демонстрируя альтернативную точку зрения на историю народов и языков, он делал то же самое, что, например, Лев Гумилев с его мнением о роли пассионариев в этногенезе.⁶ Поэтому увидевшая свет в 1975 году книга «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя», на самом деле является не просто смелым опытом

⁵ Официальный сайт Олжаса Сулейменова. Биография. [Электронный ресурс]. – URL: http://olzhas1001.com/Биография_содержимое.html (дата обращения 28.11.2016).

⁶ Гумилёв Л.Н. *Этногенез и биосфера Земли*. - СПб. : Кристалл, 2001. - 640с.

альтернативной интерпретации «Слова о полку Игореве». Это есть не что иное, как проявление альтернативного мышления, альтернативной методологии. В книге «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя» зарождается новая парадигма, причем не просто филологическая, культурологическая или историческая, а философская.

Вот почему на нее обрушилась критика представителей марксистско-ленинской школы, а отнюдь не потому, что автор не учел каких-то исторических реалий или явлений в фонетическом и грамматическом строе древнерусского языка.

То же самое можно сказать и о его участии в антиядерном, а по сути, экологическом движении. Организуя «Невада - Семипалатинск» Олжас Сулейменов, на наш взгляд, руководствовался не столько политическими мотивами, сколько искренним патриотизмом, принимая экологические проблемы своей страны как личную боль:

Кружись, айналайын, Земля моя!
Как никто,
я сегодня тебя понимаю,
все болезни твои
на себя принимаю,
я кочую, кружусь по дорогам
твоим...

Именно это делает автора подлинным патриотом, и именно эта его черта определяет собой вектор всей остальной его деятельности, в том числе, поэтической и научно-исследовательской.

I.2 Поэтическое творчество и научно-исследовательская деятельность Олжаса Сулейменова

На период с 1960-1970-х гг. приходится становление Олжаса Сулейменова как поэта, поставившее его в один ряд с такими поэтами-шестидесятниками, как Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, с которыми его связывали узы человеческой дружбы.

Русский поэт Николай Тихонов, познакомившийся с Олжасом Сулейменовым в 1963 году, так отзывался о нем и его третьем поэтическом сборнике «Солнечные ночи»: «Если иным молодым поэтам действительно не хватает масштаба, то в этой книге раздвинуты границы, и перед вами проходят поэтические картины, видения далёкой азиатской древности, выхваченные как бы из легенды веков, и картины самой острой современности, включая парижские улицы и просторы далёкой заокеанской Алабамы, и всё это в самом энергичном развитии действия, ошеломляя контрастами, драматическими сценами, избытком темпераментного, горячего чувства, сменой гнева и нежности, седого эпоса и романтической лирики. Поэтический рассказ о былом и сегодняшнем, укрепляя голос и дух поэта, даёт своеобразный сплав новых ощущений. Из пламени такого

поэтического костра рождается характер нового человека, нашего современника, дышащего всей мощью нашего индустриального, богатого чудесами атомного века»⁷.

Важнейшими сборниками поэтического творчества Олжаса Сулейменова явились такие книги, как удостоенный премии ЦК комсомола Казахстана сборник «Земля, поклонись человеку!» (Алма-Ата, 1961); «Аргамаки» (Алма-Ата, 1961); «Солнечные ночи» (Алма-Ата, 1962); отмеченный премией ЦК комсомола Казахстана сборник «Ночь-парижанка» (Алма-Ата, 1963); поэма «Глиняная книга» (Алма-Ата, 1969); «Над белыми реками» (стихи и проза) (Ташкент, 1970); «Круглая звезда» (Москва, 1975); сборник стихов и поэм «Преодоление» (Алма-Ата, 1987).

Многие его стихотворные произведения были в разные годы переведены на иностранные языки – английский, французский, немецкий, испанский, чешский, польский, словацкий, болгарский, венгерский, монгольский и турецкий. Столь же представительным является список переводов на языки народов СНГ.

Наибольшего признания поэтическое его творчество получило во Франции, что нашло свое выражение в выходе в свет в Парижских издательствах сборника стихов «Год обезьяны» (1967) и поэмы «Глиняная книга» (1969). Книги вызвали во французской общественности широкую дискуссию по целому ряду философских проблем вопросов, затронутых в них. Так, некоторые французские литературоведы ставили Олжаса Сулейменова в один ряд с такими фигурами как Гальгамеш, Гюго и Хлебников. Леон Робель, ученый Сорбонского университета и переводчик «Глиняной книги» в предисловии к ней писал: «Олжасу Сулейменову давно уже близка идея братства культур и духовное взаимообогащение народов. Он хочет читать историю, как большую книгу переселений и изменений знаков. Расшифровка письменности, языков и легенд, по его мнению, поможет нам по-другому взглянуть на Историю Человечества, всё же единую, в которую разделение и произвольная изоляция внесли замешательство. Это страстное чувство проходит через всю книгу, и, несмотря на шутивную, едкую полемическую форму, это произведение от корки эпическое: давно уже наш раздробленный мир не слышал такого сильного голоса – мы признаем Олжаса Сулейменова наследником или преемником Гильгамеша, Гюго, Хлебникова, одним из тех, величие которых естественно»⁸.

⁷ Цитируем по: Канапьянов Б. Айналайн, земля моя! // Литературная газета, 18.05.2016, № 18-19 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lgz.ru/article/-18-19-6552-18-05-2016/aynalayn-zemlya-moya> (дата обращения: 29.11.2016)

⁸ Цитируем по: Сулейменов, Олжас Омарович: Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. - URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сулейменов,_Олжас_Омарович (дата обращения: 29.11.2016).

Основанием для такой удивительной характеристики автора служит сама «Глиняная книга», отразившая главную, на наш взгляд, особенность идейного содержания его поэзии и его творческого метода в целом: умение синтезировать, сочетать разнородные по своему происхождению и коннотациям культурные компоненты. Достаточно сказать, что во всех пяти поэмах, составляющих "Глиняную книгу", наблюдается синтез, гармоничное сочетание жанров казахского устного народного творчества (айтыса, толгау, жоктау) с элементами жанров художественной литературы и публицистики – исторической поэмы, публицистической поэмы, элегии и даже философского трактата-диалога. Тем самым, жанровая форма «Глиняной книги» адекватно эксплицирует ее содержание, которое, в свою очередь, воплощает в себе дуализм сознания автора.

Для Сулейменова никогда не прекращаются диалог времен и диалог культур. Времена плавно перетекают друг в друга, прошлое наставляет настоящее, а настоящее обращено с вопросами к прошлому. Аналогично обстоит дело и с диалогами цивилизаций, которые для автора принципиально несводимы к одностороннему влиянию одной культуры на другую.

По сути, мировое признание пришло к Олжасу Сулейменову прежде всего как к поэту-философу, продемонстрировавшему миру пример всеотзывчивости души, бесконечной и в то же время разумной толерантности. Автор никого не призывает к «взаимному растворению», хотя и подчеркивает относительность цивилизационных ориентиров в другом известном своем стихотворении «Айналайн»:

Последний ордынец
к последнему морю!
На карту
проливы, саванны и горы!
А нас хоронили — ногами на запад,
лежат миллиарды — ногами на запад
под жёлтым покровом монгольской степи —
тумены ногаев, болгаров, казахов, —
не зная, что
Азия западней
Запада,
Запад —
восточней Китайского моря,
А нас хоронили — ногами на Запад!..
Шумит за спиною последнее
море.

Как видим, в тексте звучит имплицитный, но, тем не менее, горестный упрек в адрес цивилизационных объединений «Запад» «Восток» («Азия»), которые и не

подозревают, что они одно целое, в котором Азия западнее, чем сам Запад, а Запад и не подозревает, что он еще более «восточный», чем находящееся на востоке Китайское море. При этом тривиальная истина о том, что «земля круглая» здесь отнюдь не является главной. Ср. В другом стихотворении:

Нет Востока, И Запада нет.
Нет у неба конца.
Нет Востока, И Запада нет,
Два сына есть у отца.
Нет Востока, И Запада нет,
Есть Восход и закат,
Есть большое слово — ЗЕМЛЯ!

Главным для автора является прежде всего тот факт, что вообще противопоставление Востока и Запада является весьма и весьма условным, в том смысле, что они одинаково порождены одним и тем же процессом – Историей. Но и только. Из этого не следует призыва к взаимному растворению. Общность корней вовсе к этому не обязывает, по крайней мере, в текстах Олжаса Сулейменова подобный призыв не звучит и не может звучать. Его концепция отнюдь не сходна с современными европейскими концепциями толерантности и мультикультурализма.

Последние декларируют не что иное, как модернизированную форму колониализма – необходимость сознательной ассимиляции «отсталых» цивилизаций и этносов в «развитых», пожертвования национальными ценностями в пользу пресловутых «европейских ценностей» (имеющих, кстати говоря, в большинстве своем отнюдь не европейское происхождение).

Сулейменов выступает за диалог равных, диалог без утраты достоинства и идентичности. В этой связи его творчество нисколько не утрачивает своей актуальности и злободневности, а напротив, становится еще более актуальным в эпоху глобализма и едва ли не тотальной бездуховности во многих странах современного мира.

Характерный же для поэтики Сулейменова в целом жанровый параболизм является порождением, или следствием того что его творчество вообще стоит вне времени, как бы возвышаясь над эпохами и пространствами. Именно это дает повод сравнивать его с такими фигурами, как, например, Велимир Хлебников, «русский дервиш», веривший в утопию «мирового языка», или Тимур Зульфикаров, таджикский русскоязычный поэт, сочетавший в своем творчестве традиции суфийской поэзии с творческими приемами древнерусских православных книжников.

Кроме того, для Олжаса Сулейменова актуальна проблема искусства как средства познания мира. В этом смысле знаковым мы считаем стихотворение «Я в

Лувре видел слепого». Само словосочетание «видел слепого» звучит как оксюморон:

Я в Лувре видел слепого.
Один, никого не спрашивая,
бессловно
глядел он
пустыми глазницами на Венеру.
Так смотрят на чёрное
негры.
Скрипели!
Скрипели паркеты в залах.
Слепой стоял у громадных рам.
Он чем-то видел...
Рубцами ран?
Лицом?
Довольно гадать: слезами.
Ходил от одной картины к другой,
словно листал,
шёл тише, тише,
и стал,
и долго стоял слепой
перед пустой нишей.

То, что заявлено в тексте, нельзя рассматривать как агностицизм, как отчаяние. Для автора этих стихов мир хотя и с трудом, но познаваем. И средством этого познания является искусство. Очевидно, что иррациональное (а мир у Сулейменова иррационален) познаваемо только иррациональными же методами. Искусство же, в отличие от науки, познает не разумом, но сердцем. Оно «видит» ответы там, где искусственный в науках разум слеп и тщится познать истину. Образ слепого в картинной галерее есть не что иное, как развернутое сравнение с этими концептами. Беда только в том, что разум не всегда прозревает даже и при помощи искусства: в конце стихотворения он стоит перед «пустой нишей» (могилкой?) и продолжает «читать слезами» пустоту, не научившись отличать ее от истинных картин.

Тем не менее, Олжас Сулейменов, в лучших традициях мусульманского Востока сумел совместить в парадигме своего творчества искусство и научное познание.

Он известен также как автор ряда научно-исследовательских работ, посвящённых изучению памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве». Учась в Литературном институте он обратился к исследованию сначала поэтики, а потом и языка «Слова». Тема его дипломной работы по исторической грамматике — «Категория одушевлённости и неодушевлённости в „Повести временных лет“», а тема его кандидатской диссертации в аспирантуре уже на кафедре русской филологии КазГУ (1963—1966) — «Тюркизмы в „Слове о полку Игореве“».

Главной мыслью исследователя, вызвавшей широкую дискуссию в среде славистов и тюркологов была идея о двуязычности автора «Слова о полку». Он стремился к

выявлению в тексте повести не только прямых лексических заимствований из половецкого (кипчакского, куманского) языка, но и семантических калек половецкой идиоматики, в дальнейшем искажённых при переписывании в XVI в. По Сулейменову, изначально «Слово о полку Игореве» представляло собой фактически двуязычный текст, где автор свободно переходил с одного языка на другой. Эта идея получила наиболее законченное выражение в получившей большую известность книге «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя» (1975), где предлагается также собственная концепция исторического контекста «Слова», ряда событий и т. п.

Сулейменов считает, что большинство исследований «Слова» носили если не ангажированный, то предвзятый характер, определялись патриотической позицией авторов и содержали мало ценного. Автор текста «Слова», по мнению Сулейменова, не настроен враждебно по отношению к половцам. События в повести описывают не столкновение Европы и Азии, Запада и Востока, Руси и Дикого поля, а являются междусобным столкновением «своих», не чуждых друг другу человеческих объединений. При этом Игорь для автора слова и очевидца событий является отрицательным персонажем «с дьявольскими чертами», поскольку стал зачинщиком междуусобицы.

При всей полемичности вопроса об отношении автора «Слова» к Игорю, его трудно назвать положительным. Игорь осуждается автором, но в то же время не демонизируется им.

В одном из интервью о своей концепции Сулейменов говорил: «Я впервые заявил, что „Слово о полку Игореве“ было написано для двуязычного читателя двуязычным автором. Допустим, русским, который владел и тюркскими языками. Значит, на Руси тогда существовал билингвизм. Я попытался это доказать, опираясь на данные многих древнерусских источников. В советской исторической науке считалось, что в русский язык за время половецкого и татаро-монгольского нашествия попало всего несколько тюркских слов, таких как аркан или кумыс. Я же говорил о НЕВИДИМЫХ тюркизмах, которые всегда считались русскими. Вот это и потрясло академиков. Я, как ни странно, оказался первым двуязычным читателем „Слова о полку Игореве“».⁹

Совершенно естественным представляется, что книга вызвала сильнейший резонанс в научных кругах того времени. С автором посчитали необходимым не согласиться историки, поскольку его теория в корне противоречила не столько исторической действительности, сколько традициям русской историографии, идущим еще от Н.М. Карамзина (трактовка причин феодальной раздробленности Руси и концепция

⁹ Янышев С. Олжас Сулейменов: «Мне нужна была ситуация борьбы и соперничества» // Портал «Новости Центральной Азии», 15.02.2007 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id>.

татаро-монгольского ига). Кроме того, теория Сулейменова не вписывалась в действующие тогда идеологические парадигмы.

Негативной была также реакция властей. Книга вызвала характерные для того времени идеологические «проработки», основанные на советских политических обвинениях в «национализме», «пантюркизме», «методологических ошибках» и т. п. Кроме того, на книгу была наложена негативная резолюция ЦК КП Казахстана. На основании специально принятого этим органом постановления от 1976 г. Она была изъята из продажи, а издавший ее директор издательства А. Арцишевский был освобожден от занимаемой должности.

В то же время реакция общественности на книгу в целом оказалась положительной. Так, наложенный на книгу запрет стимулировал повышенный интерес к ней в тюркоязычных союзных республиках, особенно после распад Советского союза.

В 2003 году вышла в свет «Повесть об Олжасе» Г. Толмачева, в которой очень хорошо освещено реальное значение книги «Аз и Я».

Режиссёром А.Бапишевым в 2005 году была снята документальная лента о судьбе книги — «Документ нечастного значения» (2005).

Одновременно с этим, книга была отрицательно оценена многими ведущими славистами и тюркологами. Главными замечаниями по проделанной работе было то, что автор не учел целый ряд исторических фактов и во многом игнорировал реальное состояние древнерусского литературного языка в 12 веке.

На наш взгляд, корень неприятия книги «Аз и Я» столь авторитетными учеными кроется не только и не столько в идеологических установках. Дело заключается в различии методологии. Книга демонстрирует не литературоведческий и не лингвистический анализ текста «Слова», а не что иное, как герменевтическое его прочтение.

Современными исследователями герменевтический анализ предполагает собой реконструкцию и постижение с опорой на воображение, перевоплощение, интерпретацию «неизреченного»: «Согласно герменевтическому подходу, интерпретация текста может трактоваться как своего рода диалог реципиента с автором, в котором интерпретатор реконструирует текст и постигает его, опираясь на воображение и перевоплощение, как постижение объективно заложенного автором смысла текста. Интерпретация является своеобразной работой мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значений, заключенных в буквальном значении. Интерпретация как герменевтическая процедура является также способом перевода «неизреченного» в «изреченное», переносом смысловой связи из другого мира

(исторического, личностного) в собственный мир реципиента, выходом сознания за пределы его конкретной исторической данности, постижением иной смысловой структуры»¹⁰

Кроме того, основной чертой герменевтики как «искусства толкования текста» является замкнутость анализа на самом тексте, его исследование «в самом себе и для себя». Именно это, на наш взгляд, не позволило автору книги «Аз и Я» отвлечься от собственно предмета своего исследования и обратиться к иным заслуживающим доверия источникам по славистике и тюркологии.

Неслучайно, в переизданиях книги уже в постсоветское время Сулейменов внёс некоторые изменения в текст.

Во второй половине 1990-х годов Сулейменов проводил много исследований по «тюркославистике», во многом развивающие идеи книги «Аз и Я»: «Улыбка бога» (К проекту первого тома базового этимологического словаря «1001 слово»), Рим, RIAL, 1998; «Пересекающиеся параллели» (введение в тюркославистику), Алматы, 2001; «Тюрки в доистории», 2002. За последнюю работу автор был удостоен премии имени Кюльтегина «за выдающиеся достижения в области тюркологии» (2002). Итогом всей его исследовательской деятельности по тюркологии стала присужденная ему Международная премия «За вклад в тюркский мир» (Турция).

Подытоживая все сказанное выше об Олжасе Сулейменове, его творческой биографии, поэтической и научно-исследовательской деятельности, можно сказать, Олжас Сулейменов – значимое явление в нашей современности. С ним можно горячо соглашаться или непримиримо спорить, но невозможно лишь одно – игнорировать его как феномен культуры.

На наш взгляд, из всех составляющих этот феномен компонентов наибольшую значимость и неоспоримую ценность имеет его поэзия. Он поэт, и это важнее всего. Вся остальная его деятельность – общественно-политическая работа, лингвистические изыскания, даже председательство в федерации шахмат Казахстана – является производной от этого.

Именно поэтическое мировосприятие могло подвигнуть студента, писавшего обычную выпускную квалификационную работу в конечном итоге отважиться на поиск альтернативной научной истины, а партийного функционера – на открытое противостояние линии партии и правительства, рискуя в обоих случаях лишиться всех возможных преференций.

¹⁰ Потоцкий, А.А. Понимание и интерпретация текста: герменевтический анализ // Управление в социальных и экономических системах : материалы XVIII международной научной-практической конференции, г. Минск, 30-31 мая 2009 г. – Минск, 2009. – С. 310–311

Лучше многих о нем сказал Евгений Евтушенко: «Все люди, как подтверждает мой многолетний опыт, относятся или к приближающим, или к отдаляющим будущее. Олжас Сулейменов – из приближающих его. Если бы он даже не писал стихов, он всё равно бы был поэтом по отношению к жизни. Сын расстрелянного командира, он был усыновлён книгами. Они его воспитали не меньше, чем родительница всех казахов – степь. Он не только стал духовным аристократом степи, показав, какой она была в лучших её людях, даже не знающих иностранных языков, зато умевших разговаривать с ковылём или перекати-полем, со своими лошадьми, понимавшими их с полуслова. Он показал собой, какими могут быть казахи всемирного полёта, каким стал он сам, обладая мышлением не только узкопланетарным, а земшарным»¹¹.

Таким образом, Олжас Сулейменов – один из классиков современности, один из самых лучших, честных и мужественных сыновей народа Казахстана.

¹¹ Цитируем по: Канапьянов Б. Айналайн, земля моя! // Литературная газета, 18.05.2016, № 18-19 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lgz.ru/article/-18-19-6552-18-05-2016/aynalayn-zemlya-moya> (дата обращения: 29.11.2016)

ГЛАВА 2. ТВОРЧЕСТВО ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

2.1. Культурологические идеи Сулейменова о единстве мира («1001 слово»)

Олжас Омарович Сулейменов в настоящее время руководит проектом «Код слова», нацеленным на создание уникального во многих отношениях Универсального этимологического словаря «1001 слово». Суть этой необыкновенной идеи состоит в следующем:

«Будущий этимологический словарь «1001 слово» предусматривает анализ лексем, вошедших в мировые наречия из диалектов праязыка человечества.

В каждом из существующих языков (великих и малых) сохраняется лексика такого типа. Но в национальных лингвистиках эти лексемы не опознаются и рассматриваются изолированно, в лучшем случае в границах языкового семейства. Компаративистика базируется на гадательных, противоречащих друг другу выводах национальных этимологий.

Отсталость этимологии – это основная причина, почему не выработана единая, универсальная теория общего языкознания. Этимология (история слова) не станет точной наукой, пока не будут разработаны типовые механизмы первичного словообразования; пока не будет создан базовый этимологический словарь, исследующий наследие общечеловеческого праязыка. Он послужит фундаментом для национальных этимологических словарей»¹².

По замыслу Сулейменова, проект носит интерактивный характер, т.е. к его разработке приглашаются многие специалисты (предпочтительно, молодые), с тем, чтобы возродить угасающий в современном языкознании интерес к этимологии слова, обновив и существенно переработав инструментарий ее приемов и методов, начиная с основополагающих принципов и понимания самой природы национальных языков.

Подчеркнем, что термин «этимология» осмысливается Олжасом Сулейменовым несколько иначе, чем он толкуется в словарях лингвистических терминов. Ср:

«ЭТИМОЛОГИЯ англ. etymology, фр. etymologie, нем. Etymologie, исп. etimologia.

1. Раздел языкознания, изучающий происхождение и историю отдельных слов и морфем.
2. Происхождение и история слов и морфем. Этимология слова. Этимология ложная англ. false etymology. Новое осмысление заимствованного или исконного слова, основанное на ошибочном понимании его этимологического состава; ср. ложное разложение. □ Фр. choucroute (< нем. диал. Surkrut) воспринимается как chou + croute. ЭТИМОЛОГИЯ

¹² Официальный сайт Олжаса Сулейменова. О проекте «Код слова». [Электронный ресурс]. – URL: http://olzhas1001.com/Биография_содержимое.html (дата обращения 18.01.2017)

народная (паронимическая аттракция) англ. folk (popular) etymology, фр. *etymologie populaire*, нем. *Volksetymologie*, исп. *etimologia popular*. Стремление искать в словах внутреннюю форму в качестве рационального объяснения значения слов без учета реальных фактов их происхождения. □ Русск. *полуклиника* вм. *поликлиника*. *3. Учение о строении единиц языка (в отличие от учения об их сочетании, или синтаксиса)»¹³.

Этимология как раздел языкознания имеет своим предметом исследование процесс происхождения слова, т.е. развернутое во времени семантическое развитие лексем в совокупности с морфонологическими изменениями в их основе.

Стремясь реконструировать праформы слова, этимология имеет дело с так называемой «внутренней формой слова», т.е. с его изначальной словообразовательной мотивацией, которая далеко не всегда осознается говорящими. Этимологическое исследование, как правило, бывает нацелено на реконструкцию истории слова, т.е. стремиться дать ответ на вопросы о том, когда, в каком языке, по какой словообразовательной модели, на базе какого заимствования или первообразной основы оно возникло.

Ясно, что в таком случае отслеживаются все его словообразовательные связи, что сближает этимологию с такой дисциплиной, как историческое словообразование. В то же время необходимо последовательно различать этимологию и историческое (диахроническое) словообразование. Главным критерием их различия является то, что историческое словообразование исследует судьбу словообразовательной основы в пределах одного языка.

Этимология же обращена к истории слова в свете дихотомии «язык: языки», т.е. в той или иной степени рассматривает межъязыковые связи и влияния, процессы заимствования и ассимиляции заимствованных основ. Сравнительно исторический метод языкознания, лежащий в основании генеалогической классификации языков, находит свое применение не только в процессе сопоставления «родственных» языков между собой, но и в ходе этимологического анализа.

Заметим также, что в словарном составе любого языка есть значительное количество слов, происхождение, «внутренняя форма» которых затемнена и необъяснима с позиций синхронного словообразования. Это так называемые первообразные основы. Проблема их появления в языке или проникновения в него извне, собственно говоря, и составляет предмет этимологии.

¹³ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стер. – М : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – С. 529-530.

О.Сулейменовым этимология понимается с существенной корректировкой, а именно, с отрицанием постулата о фонетической оболочке слова как о единственно важной его природе. Он требует учета не только фонетической оболочки, но и морфологии (строения) слова, а также (что особенно важно и принципиально) его графического облика.

Заметим, что понимание Олжасом Сулейменовым терминов «этимология», «этимологический» сближается с их трактовкой русистом 19 века Якобом Карловичем Гротом, именовавшим «этимологическим началом правописания» то, что в современной науке о языке принято называть морфологическим и историко-традиционным принципами орфографии. Ср.:

«В этом отношении правописание бывает: 1) фонетическое (звуковое), когда слова пишутся сходно с произношением <...>, и 2) этимологическое, или историческое, когда в письме с одной стороны соблюдается производство слов, а с другой отражается древнее, уже изменившееся произношение, или вообще употребляются общепринятые издавна начертания, не указываемые живой речью».¹⁴

Этимология в понимании Сулейменова зиждется не только на установлении соответствий на уровне фонетики и морфологии, но и на уровне графики. При этом имеется в виду, в частности, реконструкция графом «Первой письменности». Характерной является представленная в работах Сулейменова контаминация понятий «графический» - «грамматический». Он пишет: «Неслучайно, термин грамматика произошел от греч. *грамма* – письменный знак»: древние греки еще знали о главной роли первописьмен в процессе творения слова и языка»¹⁵.

На наш взгляд, столь нетривиальный подход к этимологическим исследованиям продиктован прежде всего тем обстоятельством, что Олжас Сулейменов позиционирует себя не как академический исследователь, и в большей мере, чем это принято в ученой среде, опирается на утвержденный Фердинандом де Соссюром принцип произвольности знака: «Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна, или, иначе говоря, поскольку под знаком мы разумеем целое, вытекающее из ассоциации означающего и означаемого, мы можем сказать проще: *языковой знак произволен*».¹⁶

¹⁴ Грот Я.К. Русское правописание. – 11-е изд. – СПб, 1894. – С. 21.

¹⁵ Официальный сайт Олжаса Сулейменова. О проекте «Код слова». [Электронный ресурс]. – URL: http://olzhas1001.com/Биография_содержимое.html (дата обращения 18.01.2017)

¹⁶ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть 1. - М., 1960 [Электронный ресурс]. URL: <http://philologos.narod.ru/ling/saussure.htm#6> (дата обращения 20.01.2017).

По Соссюру, под «произвольностью знака» следует понимать лишь немотивированность означающего по отношению к означаемому, с которым у него нет естественной связи. Именно принципиальная несводимость отношения «означающее - означаемое» (или, шире, «знак - означаемое») к отношениям причинно-следственным обуславливает собой произвольную природу лингвистического знака. Очевидно, что такое понимание зиждется на признании конвенциональности лингвистического знака. Из этого можно вывести, что знаки – это такие предметы, которые способны обозначать другие предметы не в силу каких-либо природных свойств и связей, а в силу того, что чисто условно («произвольно») наделены людьми функцией обозначения каких-то других предметов. В.М. Солнцев об этом пишет:

«Знак должен отвечать двум требованиям:

1) он обозначает нечто, находящееся вне его;

2) он не связан с означаемым естественной или причинной связью. Тем самым лингвистический знак обладает:

а) знаковой функцией (указание на что-либо);

б) свойством конвенциональности (т.е. условности)».¹⁷

Самым очевидным доказательством справедливости всего сказанного и объективности рассматриваемого закона является тот факт, что в различных языках одни и те же референты (равно как и сигнификаты) могут номинироваться совершенно различными звуковыми комплексами (т.е. фонетическими словами) – ср.: рус. *бык* – фр. *boeuf*; нем. *Ochs* и т.д. Примеры такого разнообразия связей по языкам неисчислимы. Однако для нас гораздо более важным представляется другое следствие этого феномена: отсутствие строгого изоморфизма между формальной и семантической сторонами в языковой системе в целом и в каждой ее единице в частности, которое выступает ключевой причиной возникновения вариантных отношений в языке.

Закон произвольности знака, как известно, - самый противоречивый из законов семиотики. Именно он породил в 20 веке достаточно жесткую полемику между лингвистами и стал отправной точкой для многих теорий лингвистического знака.

Это связано с тем, что постулат о произвольности знака выдвигался Ф. де Соссюром в сознательно противоречивой форме – в форме антиномии «произвольности-непроизвольности». В словесной формулировке Ф. де Соссюр утверждал произвольность связи между означающим и означаемым в пределах языка, а в действительности, понимал ее как произвольность отношения знака в целом к денотату. Европейские лингвисты первой половины XX века указывали на ограниченность произвольности в первом смысле

¹⁷ Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1971. – С. 95.

(т.е. в пределах языка), а так называемый «новый постулат о произвольности - непроизвольности» гласит, что произвольность языкового знака существенно ограничена не только в первом, но и во втором смысле. Таким образом, с точки зрения многих современных лингвистов, «языковой знак ни в каком отношении не произволен»¹⁸ [Степанов, 1975, с.264].

Тем не менее, именно на этой антиномии (по преимуществу) Ф. де Соссюр строит свой тезис об изменчивости и неизменности знака, имеющий для концепции «Кода слова» Олжаса Сулейменова основополагающее значение

Олжас Сулейменов в своих поисках «кода слова» во многом отталкивается от закона произвольности / непроизвольности знака, «отрицая отрицание» и допуская свободу толкования графических знаков (пиктограмм, идеограмм и букв) «жрецами», т.е., в широком смысле, интеллектуальными лидерами древних обществ. Произвольно начертанные, знаки произвольно же интерпретировались, исходя из влияния внешних факторов (регион проживания, уровень развития культуры т.д.), а также из культурных (прежде всего религиозных) приоритетов.

Думается также, что на исследовательский подход Олжаса Сулейменова оказывает влияние также сугубая образность его мышления, обусловленная, как это отмечалось в первой главе настоящего исследования, поэтическим мировосприятием автора.

Действительно, образность мышления – это то, чего не хватает большинству палеографов. При этом очевидно, что расшифровка пиктографического письма требует именно этого – способности распознавать внешние и внутренние факторы, побуждавшие создателей петроглифов создавать тот или иной графический знак-образ. По-другому говоря, необходим не совсем «научный» подход к делу, допускающий «проникновение» исследователя в мотивации древних людей, создававших первые графические знаки. Таковое невозможно без воображения, т.е. без элементов эстетического восприятия мира.

Наконец, трудно не согласиться с автором, что графический облик слова во многом обойден вниманием исследователей. Причиной такого пренебрежения, на наш взгляд является то, что Соссюрианский закон произвольности знака на практике почему-то в особенности касается именно графики, что, впрочем, неудивительно, с учетом того, как часто иные национальные языки меняют графические системы. Так, целый ряд тюркских языков в странах СНГ в течение 20 века сменил три разных графики: арабица была в свое время заменена на латиницу (в ее турецком изводе), латиница – на кириллицу (в адаптированном к фонетике варианте), а кириллица – на латиницу (уже не турецкую, а специально приспособленную к существующей в данном языке фонологической базе).

¹⁸ Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение, 1975. – С. 264.

Заметим также, что последний вариант латиницы создавался во многом с ориентацией на раскладку клавиатуры, что, по меньшей мере, не согласуется с естественным характером такого явления, как национальный язык.

Все сказанное доказывает сублингвистический характер таких образований, как графика и орфография, т.е. то, что они не являются частью языка как системы частных подсистем. Это проявляется, прежде всего, в принципиальной неспособности графического знака (и графической системы в целом) к самостоятельному, естественному развитию. В связи с этим языковедение традиционно не рассматривает графику как часть языковой системы, имея в виду ее внешний и необязательный по отношению к языку характер.

Заметим, что понимание этимологии как процедуры у Сулейменова отвлечено от такого понимания, что, собственно говоря, и является поводом для того, чтобы большинство филологов на постсоветском пространстве внешне не согласны с его подходом. Но в то же время, мы не можем не согласиться с этим удивительным взглядом на природу слова, поскольку «традиционная» этимология, по верному замечанию автора «Кода слова», давно исчерпала свой исследовательский инструментарий.

Обратимся к определению графики, предлагаемому «Лингвистическим энциклопедическим словарем»:

«ГРАФИКА (греч. graphike, от grapho— пишу, черчу, рисую)— 1) совокупность начертательных средств того или иного письма, включающая графемы, знаки препинания, знак ударения и др.; система соотношений между графемами и фонемами в фонематическом письме; 2) раздел языковедения, исследующий соотношения между графемами и фонемами. Понятие «Г.» применяют обычно к фонематическому (звуко-буквенному) письму, в котором различают 3 стороны: алфавит, Г. и орфографию. <...> Расхождение между числом графем и фонем во мн. совр. системах письма, построенных на латинице, объясняется ист. приспособлением этого алфавита — без его коренного изменения (или вообще без изменений) — к принявшим его языкам»¹⁹. В данном определении обращает на себя внимание именно последнее соображение, о том, что язык может воспринять «чужой» алфавит «без его коренного изменения (или вообще без изменений)». Из этого следует, что практика заимствования графических систем не сопровождается их ассимиляцией (в отличие от процесса заимствования слов и морфем), и уже одно это позволяет допустить верность предлагаемой Олжасом Сулейменовым концепции.

¹⁹ Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Н.В. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 118

Кроме того, на наш взгляд, именно в неспособности графического знака к стихийному, самостоятельному развитию, на наш взгляд, и кроется главный залог успеха предлагаемого подхода к этимологии как к истории не только звуковой оболочки слова, но и графического его облика.

Графический знак не способен к стихийному, неосознанному носителями языка развитию. В этом смысле графика отличается от фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса. Изменения в этих подсистемах языковой системы происходят стихийно, постепенно и в целом независимо от воли говорящих. Изменения же графики всегда являются результатом волевого решения (часто единолично принятого) и происходят редко, т.к. болезненно переживаются обществом.

Здесь уместно привести пример реформы русской графики, произведенной лично царем Петром Великим. Сохранились документы, с правкой, сделанной рукой царя, волевым решением отказавшегося от исконной кириллицы и создавшем так называемую «русскую гражданскую азбуку» (Рис. 2.1).

Заметим, что опыт восприятия «авторского», единолично созданного (откорректированного) варианта национальной графики есть у многих народов. Такова «вуковица» - графика сербского языка, созданная Вуком Караджичем в середине 19 века или монгольское квадратное письмо, разработанное Пагба-ламой в 13 веке.

Тем не менее, история введения русской гражданской азбуки исполнена драматизма и социальных противоречий. Так, Русская православная церковь изначально отмежевалась от данного вопроса, длительное время (вплоть до конца 18 века) игнорируя гражданскую азбуку. Многие русские общественные деятели 18 века критически относились к «латинизированным» элементам гражданской азбуки. Особенно это касалось «перевернутых» букв типа «Я». Так, общеизвестно, что букву «Э» А.П. Сумароков называл «уродом русской азбуки». Даже великий реформатор и основатель русских лингвистических традиций М.В. Ломоносов о букве «Э» высказывался критически: «Вновь вымышленное или, справедливее сказать, старое «е», на другую сторону обороченное, в российском языке не нужно, ибо <...> ежели для иностранных выговоров вымышлять новые буквы, то будет наша азбука с китайскую»²⁰

²⁰ Ломоносов М.В. Российская грамматика. – СПб, 1755. (Факсимильное издание: М., 1985). – С. 42.

Рис. 2.1. Гражданская азбука с нравоучениями, правленая рукой Петра I.²¹

²¹ Источник иллюстрации: Федеральное архивное агентство [Электронный ресурс] – URL: http://archives.ru/exhibitions/rgia_080610.shtml

Более того, в стихийном народном сознании она долгое время упорно не признавалась на том основании, что кириллица в ее «первозданном», «неизведённом» виде плотно ассоциировалась в сознании с христианством, со славяно-православной цивилизацией в целом. Так в знаменитом собрании В.И. Даля «Пословицы русского народа» в разделе «Грамота» встречаем фольклорную запись:

«Гражданская азбука - от Антихриста (раскол.)»²²

Это говорит о том, что в стихийном народном сознании графика – нечто священное, данное Богом. Попытки внести изменения в графический облик графемы воспринимаются как святотатство, как преступление.

Именно этот механизм - трепетное, граничащее с религиозным ужасом, отношение к графическому знаку плюс естественная необходимость сохранения тождества знака самому себе - позволяет букве (любой графеме) переживать эпохи.

Именно поэтому обращение к истории письменного знака дает реальную возможность проследить генезис слова (слов), обозначаемых им в разные эпохи.

На наш взгляд, идея Олжаса Сулейменова во многом революционна, и направлена на ломку целого ряда стереотипов лингвистического мышления, заложенных фон Гумбольдтом и Ф. де Соссюром. Разумеется, авторитет основателей европейского языкознания и их последователей мысль Сулейменова нисколько не принижает, не дискредитирует, подобно тому, как геометрия Лобачевского не отменяет геометрии Евклида, а лишь делает дальнейшие шаги, активно используя достижения предшествующей теории.

«Код слова» именно дополняет все прежде применявшиеся методы этимологии и семиотики, ни в коей мере их не отрицая. В этом смысле весь исследовательский инструментарий, предлагаемый О. Сулейменовым, нужно рассматривать как систему надстроечных категорий, не отменяющих, но дополняющих базис этимологии, привнося в него черты герменевтики и даже криптоанализа.

Для нас очевидно то, что всякая графема является, прежде всего, феноменом человеческой культуры, что делает ее во многом самоценной, и, по крайней мере, достойной специального исследования, в том числе, этимологического. Обращение этимологии к графике в целом, на наш взгляд, правомерно, хотя и противоречит пресловутым традициям лингвистики.

²² Даль В.И. Пословицы русского народа // Сайт Хранители сказок [Электронный ресурс] – URL: <http://hobbitaniya.ru/dal/dal81.php>

Выступая в защиту «Кода слова» представляется возможным и закономерным также обратиться к аксиоматике языкового знака А.Ф. Лосева, изложенной в его труде «Знак. Символ. Миф».

В ряду аксиом специальной информации А.Ф. Лосев постулирует:

«Аксиома чистой знаковости I (XIII). *Всякий знак нечто значит.* Аксиома чистой обозначенности II (XIV). *Все, что является осмысленно обозначенным, есть результат функций смыслового знака.* Аксиома чистого акта обозначения III (XV). *Всякий акт обозначения есть акт смыслового обозначения.* Эти три аксиомы обеспечивают для нас существование знака в его чисто знаковой, т. е. чисто смысловой, природе». ²³

И ниже:

«Аксиома неделимой единичности V (XVII). *Всякий знак есть неделимая единичность.* Всякий предмет есть нечто, а именно он сам. И всякий знак тоже есть нечто, а именно он сам. Знак есть **знак** и ничто другое. Можно ли в этом смысле говорить о его делимости, раздельности или структуре? Едва ли. Ведь даже и любое число из натурального ряда чисел, хотя оно и складывается из определенного числа единиц (например, 3 есть сумма трех единиц, 4 есть сумма четырех единиц и т. д.), тем не менее тройка есть нечто целое и совсем никак неделимое; она есть неделимая единичность. <...> Пусть скажут, что тройка состоит из трех единиц, которые можно тут же перечислить, т. е. представить их в отдельности и тут же их суммировать. Но когда мы говорим *сто, тысяча, миллион*, то при всех таких обозначениях мы не можем перечислить и даже представить себе все входящие сюда отдельные единицы. И уж тем более не можем их суммировать. И все-таки каждый знает, что такое 1000 и какое отличие этого числа от 999 и от 1001. Следовательно, сама тысяча эмпирически, конечно, составляется из тысячи отдельных единиц». ²⁴

Однако:

«Аксиома раздельности VI (XVIII). *Всякий знак обязательно есть та или иная раздельность, т. е. обладает разными частями, элементами, моментами, способными дробиться и варьироваться до бесконечности* ²⁵. Указание на способность к вариантности знака является, на наш взгляд, чрезвычайно важно. Вариантность знака, как известно, становится возможной именно из его ассиметричности, т.е. отмечаемого нами выше отсутствия изоморфизма между формой и значением. Лосев же, рассуждает о самой принципиальной возможности знака дробиться на множество составляющих частей. Очевидно, это касается не только формы, но и содержания знака. Следовательно,

²³ Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М., 1982. – С. 44.

²⁴ Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М., 1982. – С. 46

²⁵ Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М., 1982. – С. 47

рассуждения Сулейменова о принципиально неограниченном числе интерпретаций графемы не лишены методологического основания.

Думается, что понимание О. Сулейменовым природы графического знака во многом восходит именно к Аксиоматике знаковой теории языка А.Ф. Лосева, и прежде всего к Аксиоме неделимой единичности V (XVII) и Аксиоме раздельности VI (XVIII) знака.

Мы имеем в виду то, что история слова (как знаковой сущности) у Сулейменова предстает во многом как история графического знака. Этот графический знак (пиктограмма, идеограмма, буква) воспринимается как неделимая единичность, как определенным образом завершенное, законченное явление, в деталях и частях которой недопустимо изменение, во избежание утраты тождества знака самому себе. То же самое касается и смысла, сигнификата, которым данный знак наделен.

В то же время, то, что касается знака в целом, может не распространяться на его составные части. И здесь вступает в действие аксиома раздельности знака. Неслучайно, Олжас Сулейменов рассматривает не столько происхождение знака в целом, сколько происхождение отдельных элементов знака. Ср.:

« Начинается самостоятельная жизнь Сложного знака Убитой Луны (Солнца) , который сам прочитывается как мини-система противоположностей – Черты и Угла.

Происходит переразложение знака с обретением каждой частью противоположных значений. И в итоге, каждая из этих частей сама становится базой новой системы противоположностей. Что произошло, мы видим, с Чертой (*Копьем, Стрелой), превращенной в Вертикаль и Горизонталь – Верх и Низ.

Но до исторических времен дошли, вероятно, в разных культурах все варианты оппозиционных систем. И самые первые (южная)   и северная   с основными значениями: Бык (муж)

– Корова (жена). Они, скорее всего, хранили первые переносные смыслы, что помогло жрецам увидеть в них символы Первой пары человечества – Адама и сотворенной из его **ребра** Евы. Именами их наделяли, вероятно, многими. В библейской легенде, возможно, проявилось древнеиранское **ad am** – «я есть». До Евы мы еще доберемся, однако знак ее известен – «ребро Адама». Знаком Адама может быть такое же «ребро», но противоположно направленное: Или Черта? Если Черта, то, конечно,

Вертикаль! **D** один из вариантов знака Солнца. Тогда: **I** - Adam, **☾** - Eva («ребро», отнятое у Адама)».²⁶

Графический знак, возникший как пиктограмма, призванная обозначить некоторое означаемое, в последующие периоды начинает «диктовать», обуславливать собой означаемое. Иначе говоря, по Сулейменову, графический знак в ряде случаев становится фактором формирования новых смыслов, что можно однозначно признать научным открытием.

Обычно природа отношений *означаемое: означающее* трактуется иначе: сначала имеется референт (предмет окружающей действительности), который отражается в сознании как денотат (понятие, обобщенное представление о референте). Затем, референт и денотат отражаются в сигнификате (в означающем, в смысле знака). Фонетическая оболочка слова служит именем для референта и денотата (называет их) и имеет смысл.

Схематически это представлено на рисунке в учебном пособии Ю.С Степанова (см. рис. 2.2).

Рис. 2.2. Семантический треугольник²⁷

Это одна из возможных модификаций так называемого треугольника Фреге. Для нас важно, что Ю.С. Степанов рассматривает именно «фонетическое слово», т.е. имеет в виду лишь звучание. Графическая оболочка слова для соссюрианской лингвистики всегда

²⁶ Сулейменов О. Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь «1001 слово». – Алматы: ОФ Литературный Альянс, 2013. – С. 58-59.

²⁷ Источник иллюстрации: Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение, 1975. – С. 9.

была и продолжает оставаться чем-то второстепенным, производным от фонетических характеристик.

Иновацией Сулейменова является прежде всего пересмотр этого отношения к графическому знаку.

Однако этим оригинальность подхода Сулейменова к знаку не исчерпывается. Вся книга «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь 1001 слово» «переворачивает» вектор отношений *означаемое: означающее* вспять. Для Сулейменова, означающее может становиться чем-то первичным, первообразным. Означаемое же относительно произвольно присваивается уже готовому знаку.

Осмелимся предположить, что и само название проекта Универсального этимологического словаря выглядит как числовой палиндром «1001», одновременно намекая и на бустрофедонные знаки, открытые Сулейменовым,²⁸ и на двоичную систему счисления (0,1), и на число 1001 как примера в рассуждениях А.Ф. Лосева (см. цитату выше).

В книге «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь «1001 слово»» Олжас Сулейменов убедительно демонстрирует именно «бесконечное число дробей», возможных для «неделимых знаков» - знаков, бесконечно варьирующихся по воле интерпретаторов и, одновременно, бесконечно тождественных самим себе, и потому узнаваемым в ходе прочтения (разгадывания?) того, что автор образно именуется «кодом слова».

Наконец, следуя теории А.Ф. Лосева, всякий знак, бесконечно варьируясь, имеет возможность стать символом, а символ способен «возрасти» до мифа. Заметим, что теория А.Ф. Лосева еще никем убедительно не оспорена, хотя и не пользуется явной популярностью у современных лингвистов.

Итак, Аксиоматика знаковой теории языка А.Ф. Лосева приводит в действие схему:

ЗНАК ⇒ СИМВОЛ ⇒ МИФ

Следуя логике палиндroma и бустрофедонных знаков, Олжас Сулейменов «переворачивает» эту схему:

МИФ ⇒ СИМВОЛ ⇒ ЗНАК

Если же допустить достоверность теории А.Ф. Лосева, основанной на ленинской теории отражения, то и теория О. Сулейменова верна, хотя и представляет собой именно «зеркальное» (т.е. «перевернутое») отражение природы знака.

²⁸ Сулейменов О. Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь «1001 слово». – Алматы ОФ Литературный Альянс, 2013. – С. 24

Говоря иначе, если методологически, логически, культурологически и т.д. верной оказывается теория А.Ф. Лосева, то в той же мере допустимо предполагать и обратное движение от МИФА (например, пиктограмма луны как объекта обожествления) к СИМВОЛУ (иероглиф луны как обозначение неба, горы, могильного холма и под.), а этого последнего – к ЗНАКУ (например, буква «С» как звукообозначение).

Заметим также, что во многом книга О.Сулейменова построена как аксиоматика. Так, автор выдвигает и обосновывает целый ряд правил, призванных, очевидно, служить методологической основой для дальнейших этимологических разысканий. Ср.:

«ПРАВИЛО I (П-1):

На предмет или явление, похожее на Знак, переносится его название.

– 1) **log** – «лог», «углубление в рельефе», «долина», «овраг»; 2) **lug** – «низина», «луг». – **luk** – «растение с прямыми, лучеобразными листьями».

Этим знакам со временем уподобляются и многие другие предметы, получающие название знаков. Увеличивается количество омонимов.

Возможно, это послужило причиной рождения **ПРАВИЛА II (П-2):**

На предмет или явление, похожее на Знак, переносится его название в уменьшительной форме.

Вероятно, это правило сначала возникло в культуре, где этот знак еще сохранял отблеск священности и прежнюю семантику. Поэтому предметы, похожие на знак луны, должны были называться ее именем в уменьшительной форме: – **luk** > **luk-i** > **luči** > «луч»²⁹.

Однако к вопросу о лингвистических методах, находящих свое применение в трудах Олжаса Сулейменова, мы еще вернемся в последующих главах.

Сейчас же мы хотим обратиться к тем культурологическим идеям о единстве мира, которыми руководствуется Олжас Сулейменов.

²⁹ Сулейменов О. Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь «1001 слово». – Алматы: Литературный Альянс, 2013. – С. 12-13.

На наш взгляд, автор демонстрирует чрезвычайно смелый и новаторский подход не только к истории языка, но и к истории человеческой культуры, к истории человеческой цивилизации, человеческого рода.

В этой области у современного человечества накопилось немало предрассудков и стереотипов. Установленные в ходе истории человечества цивилизационные, национальные, идеологические, религиозные и т.д. различия препятствуют не только диалогу между культурами, но даже и объективности научных исследований. Здесь также каждая эпоха и каждая национальная культура устанавливает свою «аксиоматику» предрассудков и предубеждений.

Можно привести в качестве таковых суждения великих и значимых личностей. Так, Аристотель, исходя из эллиоцентристских позиций считал, что «варвары» — люди с неразвитой человеческой природой не доросшие до политической формы жизни. «Варвар и раб, по природе своей, понятия тождественные», - утверждал он.

Или в знаменитой балладе Редьярда Киплинга:

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встанет?³⁰

Абсолютное большинство мыслителей исходило и продолжает исходить из того что оппозиция «свой - чужой» носит абсолютный характер, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток», и не встретиться им никогда и т.д. и т.д.

Олжас Сулейменов – один из немногих современных мыслителей, которые, вступая в полемику с Киплингом, склонны считать, что

Нет Востока, И Запада нет.
Нет у неба конца.
Нет Востока, И Запада нет,
Два сына есть у отца.
Нет Востока, И Запада нет,
Есть Восход и закат,
Есть большое слово — ЗЕМЛЯ!

Он исходит из очевидного для нас понимания, что многообразие мира – следствие его постоянного развития, и является многообразием одного. Вариантность лингвистического (графического) знака экстраполируется им на вариантность культуры, на вариантность парадигм мышления, на вариантность человека разумного.

³⁰ Киплинг Р. Баллада о Востоке и Западе. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ecolife.ru/jornal/liter/2002-4-1.shtml> (дата обращения: 21.01.2017)

В этом смысле интересны наблюдения Сулейменова над идеограммой ☉. Ср.:

«ПРАВИЛО IV (П-4):

Если заимствуется сложный знак, а название неразложимо на составляющие, то, чтобы назвать деталь, нужно отрицать общее наименование сложного знака.

...Главный знак Древнего Египта: **Ra** – ☉ 1) «солнце»; 2) «бог Солнца» (III-II тыс. до н.э.). С ним знакомы, вероятно, все этносы, обитавшие в те поры в Средиземноморье. Там оказались и славяне.

Надо назвать красное пятно. **Ra** неразложимо на составляющие.

Применяется Правило IV: ***Ra-no** > **rano** – «утро» (чеш.), **ranok** – «утро» (укр.). В русском остались две формы с отрицающими постфиксами – **но**, и **ni**: **рано**, **рань**. <...> Но пройдет время, по проекту египетского знака Солнца будут строить поселения, города. Строить, при этом имея в виду «точку зрения бога»: Солнце, глядя с высоты, должно видеть свой знак, чтобы опекать своих верных верующих.

По этому плану архитекторы создавали города-государства, и этот знак становился постепенно планом страны-государства, а потом и всего мира, в центре которого, каждый этнос, не расставшийся с этим божественным знаком тысячелетия, видел себя.

☉ – Формула этноцентризма. (Та же выражает и эгоцентризм)³¹.

Столь расширительное понимание иероглифа обычно доступно только художественному сознанию. Эпичность и образность мышления исследователя проявлена именно в попытке проследить путь от пиктограммы к иероглифу, от иероглифа к букве (буквам) и, одновременно с этим, к тому, что называется геоглифом. Ибо план города (городища), обнесенного стеной и имеющего в центре крепость (кремль, замок, арк), есть не что иное, как геоглиф. Ср.:

«**Геоглиф** — нанесённый на землю геометрический или фигурный узор, как правило, длиной свыше 4 метров. Многие **геоглифы** настолько велики, что их можно рассмотреть только с воздуха»³²

При этом затруднительно подобрать название для знака, воплощающего мировоззренческие концепции этноцентризма и эгоцентризма. Такого термина попросту нет, и здесь Олжас Сулейменов вновь выступает как новатор, как первооткрыватель.

³¹ Сулейменов О. Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь «1001 слово». – Алматы: ОФ Литературный Альянс, 2013. – С. 20-21

³² Геоглиф. Материал из Википедии – Свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Геоглиф>.

То же самое можно сказать и применительно к изучаемому им «пустому знаку» □, который, по наблюдениям исследователя, эксплицирует в разных вариациях концепт «чужой». Ср.:

«Каждый народ видит себя в окружении чуждых народов. Оттуда – деление мира на **мы** и **не мы**. Потом – «богоизбранность», потом – «наше государство в центре мира», «мы – пуп земли». И сегодня Китай называет себя Джун – Го – «Срединное государство». И в написании этого имени традиционно участвует иероглиф 中 **džun** – «середина». Какой знак описывали тюрки-огузы в VII в. до н.э., называя себя, по сообщению ассирийских хроник **iškuz** (***isk-ūz** – «внутренние огузы»). В огузском эпосе «Dede Gorkut» собственно огузы называли себя **inoğuz** («внутренний народ»), а чужих **taşoguz** («внешний народ»).

В тюрк. языках: **ūz**, **ouz**, **oguz** – самоназвание тюрок-огузов. А более раннее значение – «народ».

И настолько сильно укрепилось в сознании, что □-**hanti** это Чужое, Противоположное нам, что название знака стало нарицательным словом: **hanti** – «противоположное» (хетт.), лат. **anti**, англ. **anti**. <...> Я полагаю, что встречающиеся в письменной истории этнонимы типа **hanti** (ханты), **anti** (анты), **hatti** – это не самоназвания народов, а клички, данные Центральными (Внутренними, Срединными) этносами соседним или попросту чужим, «окраинным» племенам. Так, римский историк Иордан, говоря о битвах готов, называет племя, противоположное готам анты (в которых слависты увидели славян)³³.

Таким образом, этимологический анализ графического знака у Олжаса Сулейменова выходит далеко за рамки собственно лингвистического исследования и обращен ко многим культурологическим концептам и понятиям, становясь по своей сути философским осмыслением многих цивилизационных процессов. В ходе прочтения книги «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь» читатель легко может перевернуть в своем сознании целый ряд устоявшихся у него представлений не только о феномене слова или графического знака, но и о природе межкультурных связей народов.

Действительно, трудно не прийти к выводам о том, что именно графика нередко заимствуется народами у «чужих», у □-**hanti** без отмен и изъятий. В связи с этим цивилизаторская деятельность одних народов может внешне быть ограничена только передачей алфавита (или даже одного какого-либо знака), а на деле оказать влияние на культуру в целом и даже на ментальный код этноса. Примеров подобного развития

³³ Сулейменов О. Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь «1001 слово». – Алматы: ОФ Литературный Альянс, 2013. – С. 63-65

событий в истории человечества немало. Например, в ходе завоевания арабами Средней Азии в 8 веке н.э. согдийская письменность оказалась под тотальным запретом, причем сам согдийский язык запрещен не был. Однако, перейдя на арабскую графику, согдийцы в относительно скором времени перестали быть согдийцами даже по самоназванию.

Цивилизационное влияние графики на культуру этноса всегда чрезвычайно велико. Дело в том, что буква (знак) не перестает быть символом, а символ – мифом. «Чужие» знаки, символы и мифы способны переформатировать культуру, хотя степень этого влияния существенно варьируется от незначительной модификации до полной ассимиляции в «чужом». Ясно, что все зависит от общественно-политических условий, в которых происходит заимствование и какими именно соображениями продиктован переход на ту или иную графику.

Отмеченное выше отсутствие стереотипов и предрассудков у Олжаса Сулейменова при анализе цивилизационных процессов, происходивших в древности и продолжающихся в современности, на наш взгляд есть не что иное, как проявление свободы, в том смысле, в каком его понимали французские экзистенциалисты Албер Камю и Жан Поль Сартр. Можно предположить, что именно поэтому наибольшее признание идеи Олжаса Сулейменова получили во Франции, поскольку он как никто другой из советских писателей (ученых, философов, художников) адекватно воспринял идеи великих идеологов свободы. Ср. у Сартра: «Если основным условием действия является свобода, мы должны попытаться наиболее точно описать её, но свобода не имеет сущности. Она не подчинена никакой логической необходимости. Свобода становится действием, и мы достигаем её обычно через действие, организуемое ею вместе с мотивами, движущими силами и целями, которые оно содержит. <...> Само название «свобода» опасно, если под этим обязательно подразумевают, что слово отсылают к понятию, как обычно это делают слова. Неопределимая и неназываемая свобода - не будет ли она неопишуемой?»³⁴

Мы глубоко убеждены в том, что Сулейменов войдет в историю человеческой культуры именно как исследователь, «свободный» от массы предубеждений, отягощающих любое гуманитарное знание. Очевидно что и филология, и общая семиология несвободны от таковых.

Экзистенциальная, «неопишуемая» свобода художника позволяет, на наш взгляд, Олжасу Сулейменову подняться над стереотипами, подняться над многими уже давно сформулированными выводами, оценками и аксиомами, наконец, подняться над временем

³⁴ Жан-Поль Сартр. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Пер. В.И. Колядко. – М.: Республика, 2000. [Электронный ресурс]. – URL <http://psylib.org.ua/books/sartr03/txt09.htm> (Дата обращения: 22.01.2017).

и пространством человеческой Ойкумены и приступить к «действию», а именно к свободному от догм этимологическому анализу. А далее, на основании разгадки кода слова, исследователь сможет сделать вывод о единстве мира, об общности происхождения этносов, культур и цивилизаций, ушедших на поиски родины Солнца.

II.2 Взгляды Сулейменова на историю древности и письменности в историко-лингвистических трудах «Аз и Я», «Тюрки в доистории», «Язык письма», «Пересекающиеся параллели»

*Полагаюсь на слово, на вечное Слово,
И кроме него - ничего.
Обращаюсь к нему, как к началу земного
Всего и иного всего.
Возвращаюсь, качаясь, как судно к причалу,
К высокому Слову Творца.
И чем более я подвигаюсь к Началу,
Тем далее мне до конца.*

(М. Щербаков)

Выше уже отмечалось, что О. Сулейменов предлагает существенно обновленную лингвистическую парадигму. Он исходит из того, что слово – самоценно и может содержать информацию о древних эпохах, свидетельствуя о них ничуть не менее убедительно, чем археологические находки и архитектурные памятники. При этом не имеется в виду самоочевидная роль письменного источника. Речь идет об устном слове, которое, по Сулейменову есть не что иное как имя графического знака.

Разумеется все это не совсем согласуется с привычной концепцией слова как одной из значимых единиц языка.

Интересно заметить, что несмотря на внутреннюю семантику термина «филология» - «любовь к слову», большинство филологов относится к феномену слова не просто без любви – безучастно. Для современных лингвистов слово – это комплекс звуков, наделенный лексическим и грамматическим значением, обладающий такими свойствами, как воспроизводимость, непроницаемость, цельнооформленность, недвуударность, идиоматичность.

Последнее особенно важно, так как слову как средству наименования предметов действительности отказано в мотивированности. Его семантика произвольно связана с его формой и никак ей не определяется. Констатируя у слова все указанные признаки и признавая у него огромный потенциал, современный лингвист отрицает его надчеловеческую природу. Филолог отказывает слову в любви, и это, с одной стороны, позволяет сблизить языкознание с естественными науками с их предельно объективированным подходом к предмету исследования. С другой же стороны, слово есть феномен культуры, порожденный ей, и, в свою очередь, влияющий на нее.

Олжас Сулейменов фактически призывает обратить внимание на этот очевидный, но постоянно игнорируемый факт. Его заслуга заключается в демонстрации ученому миру примера вдумчивого и, что еще важнее, прочувствованного подхода к феномену слова.

Слово, «код» которого разгадывает этимология Сулейменова, – это не просто комплекс звуков, наделенный значением. Это комплекс культурных коннотаций прежде всего. Для него слово генетически связано с графическим символом, а символ порожден конкретной культурной средой и конкретной концептосферой. Анализ слова позволяет реконструировать и то и другое, пролив свет на особенности сознания человечества в доистории.

В соответствии с этим, Сулейменов во многом иначе, чем это общепринято, трактует мировую историю.

Самым парадоксальным, или, если можно так выразиться, «непривычным», в трудах Сулейменова является то, что он «не боится» высказывать свою собственную точку зрения, причем подводит под нее доказательную базу не в виде цитат из сочинений других исследователей, ссылок и сносок и т.п., а непосредственно обращаясь к эмпирическому материалу. Заметим, что таковым для Сулейменова-историографа являются не данные археологии или письменные свидетельства (имеются в виду летописи, хроники, записки путешественников и.п.), но устное человеческое слово как таковое, которое само по себе оказалось способным пронести через тысячелетия некую родовую память человечества. Кроме того, особое и даже основополагающее место в культуре и истории человечества, по Сулейменову, занимает письменность, т.е. история графического знака.

В своем подходе к исследовательской деятельности в этом смысле Сулейменов тоже как бы возвращается к истокам. Он видит задачу науки не в том, чтобы она развивалась в «самой себе и для себя», постепенно превращаясь в веру, а затем – в привычку. Для автора книги «Аз и Я» задача ученого состоит собственно в исследовании вопроса, а не в исследовании его исследований. Он не считает нужным и позволительным для себя прибегать к обширному цитированию, дозируя эту панацею молодых ученых в очень скромных количествах. Он не видит необходимости полностью соглашаться с авторитетными мнениями, хотя и учитывает их. Также он не стремится к сознательному нагромождению терминологии, затемняющей, по его мнению, смысл научно-исследовательской работы и подменяющей ее смысл и назначение.

Наконец, он считает своим приоритетом внимание именно к объекту исследования, к источнику как таковому.

Таким образом, Сулейменов именно в буквальном смысле понимает основы научного исследования, чем, как ни странно, заслужил в свое время немалую критику. Так, во Введении книги «Язык письма» автор обозначает свою позицию по данному вопросу следующим образом: «Складывается впечатление, что лингвистика, утратив цель – исследование природного слова – всю свою энергию употребляет на создание искусственной цеховой речи. Толстенные словари лингвистических терминов по объёму превосходят словари иных живых языков. Очень удобен этот стиль, но наукообразие не заменяет собой науку. Платон и Аристотель писали ясно. Иные диссертации, посвящённые их трудам, прочесть возможно, но уразуметь их смысл так же трудно, как содержание этрусской «Книги мертвых» на полотне, обмотанном вокруг мумии»³⁵.

По приводимой цитате становится очевидно, что автор, с одной стороны является бескомпромиссным борцом с наукообразной лженаукой, а с другой стороны – он поборник демократизации (популяризации) филологического знания вообще. Причем сказанное касается не только книги «Язык письма», но и всех вообще научных трудов О. Сулейменова. На наш взгляд, главной особенностью научного творчества Олжаса Омаровича является именно возвращение науке ее первоизданной незамутненности побочными целями. Он являет собой пример ученого, занятого исключительно предметом своего исследования.

Трудно не согласиться, что, действительно, нередко исследователи создают свои научные статьи и монографии так, как если бы это были диссертационные (квалификационные) работы, т.е. прибегая к чрезмерному цитированию. Тем самым нередко демонстрируется не столько глубина изучения предмета исследования, сколько широта знакомства автора с литературой по вопросу, т.е., условно говоря, «начитанность» автора.

Его упрек в адрес современного языкознания по поводу перегруженности терминологией также в целом справедлив, хотя этот вопрос, на наш взгляд, все же носит дискуссионный характер. С учетом того, что термин есть не что иное, как специальный исследовательский инструмент, лингвистика на современном этапе ее развития, все же нуждается в своем собственном терминологическом аппарате.

Иное дело, что мера необходима во всем, в том числе, в терминотворчестве. В то же время многие современные авторы научно-исследовательских работ (причем не только

³⁵ Сулейменов О. Язык письма: Взгляд в доисторию – о происхождении письменности и языка малого человечества // Татарская электронная библиотека [Электронный ресурс]. – URL: <http://kitap.net.ru/sulejmenov/yazykpisma0-02>.

молодые) стремятся вводить в научный обиход все новые и новые термины, ничего при этом не привнося в науку по ее существу. Однако, на наш взгляд, это «болезнь» не только лингвистики, но и вообще гуманитарных наук.

Однако обратимся к историко-лингвистической концепции Сулейменова. Одной из важнейших ее составляющих является, на наш взгляд, критическое, точнее говоря, непредвзятое, отношение к историческому источнику. Заметим, что такое отношение декларируется любым учебным пособием по основам научного исследования, а его необходимость хорошо осознается всяким ученым-гуманитарием. Ср.:

«Ключевым моментом источниковедческой парадигмы методологии истории является понятие источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности, явления культуры. В свою очередь, это ориентирует на системное изучение источников, на обращение ко всему объему произведений культуры (в широком смысле), созданных в процессе человеческой деятельности и отразивших в себе социальные, психологические, эколого-географические, коммуникационно-информационные, управленческие и другие аспекты развития общества и личности, власти и права, нравственности, мотивов и стереотипов человеческого поведения»³⁶. Источниковедение рекомендует непредвзятое, взвешенное и максимально объективированное отношение к источникам. Исследователь не должен быть зависимым от идеологических парадигм и каких-то личных предпочтений. Это обязывает гуманитарные исследования уподобляться исследованиям естественнонаучным, для которых характерно стремление к неоднократной верификации получаемых данных. Гуманитарное знание нередко не может быть экспериментально перепроверено, но это налагает на ученого особую ответственность по отношению к источнику.

В то же время нельзя не признать, что в реальных научно-исследовательских работах, рекомендации таких учебных пособий соблюдаются редко. Большинство историков, филологов, социологов и представителей других гуманитарных наук бывает если не ангажировано, то, по крайней мере, зависимо от идеологического фона, политической конъюнктуры либо просто от маститых авторитетов.

Так, для многих ученых бывает невозможным преодолеть влияние той или иной научной школы. И это вполне понятно и объяснимо тем, что ученый – это прежде всего личность, член определенного социума. В связи с этим, донкихотство в науке – удел отдельных личностей. Заметим, что в таком случае образ рыцаря печального образа несколько не комичен. Он являет собой социальную драму, к сожалению, носящую

³⁶ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н.Данилевский, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская, М.Ф.Румянцева. - М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – С. 26-27.

универсальный характер. Достаточно вспомнить о судьбе Сократа, приговоренного к смерти, Коперника, сожженного на костре, академика Сахарова, лишённого слова, а после и жизни...

Нетривиальный взгляд на вещи, о которых уже сложилось некое устойчивое, общепризнанное мнение, всегда вызывал у человеческих сообществ бурю негодования. В этом смысле наука, как ни старалась доказать сама себе обратное, во многом была и продолжает оставаться подобна религии. Нестандартный подход к толкованию вопросов веры со стороны ярых ее адептов принято называть ересью, а самих этих людей ересиархами. Ни одна из мировых религий не обошлась без подобных инакомыслящих. Наука же, хотя и не располагает здесь какими-то специальными маркерами, все же способна к реакционным проявлениям, шельмованию, преследованию и т.п., что неоднократно с успехом доказывала.

Однако следует подчеркнуть, что в таких случаях нельзя думать, что инакомыслие является следствием некоего упрямства или стремления к эпатажу. Последнее бывает свойственно разного рода шоуменам, цирковым и эстрадным артистам. Ученый – не шоумен. Он ищет, находит и воплощает в себе то, что называется истиной. В этом он опять же бывает подобен теософу.

Так, в 10 в.н. Мансур аль-Халладж (858-922), исламский богослов и проповедник суфийского толка из южного Ирана во время медитации вскричал: «Ана-л-Хакк» (Я есть Истина, т.е. Бог). За это он был обвинён в богохульстве, заключен в зиндан, а затем казнён. При этом необходимо сказать, что с точки зрения суфийской этики, никакого «богохульства» не прозвучало, т.к. суфии рассматривали Бога как некую творческую энергию, в процессе эманации растворившуюся в своем творении, в том числе, в человеке. Тем не менее, ересь есть ересь.

Мансуру аль-Халладжу, кстати говоря, принадлежит мысль, не чуждая и Олжасу Сулейменову, - мысль о единстве происхождения всех религий и их внутренней непротиворечивости друг другу. Ср.: «...Я глубоко размышлял над всеми религиями и нашел, что они многочисленные ветви ствола, имеющего один корень. Не требуй от человека, чтобы он исповедовал определенную веру, ибо в этом случае он лишь отделится от своего прочного корня. А ведь сам корень ищет человека и указывает ему величие и значение всего, и лишь тогда человек их осознает»³⁷.

³⁷ Мансур аль-Халладж. Я – Истина [Электронный ресурс]. - URL: <http://advaitaworld.com/blog/sufism/934.html>

Заметим, что в своих работах Сулейменов рассуждает о синкретическом культе Луны у Малого человечества, к которому исторически восходят все теологические системы, известные человечеству.

Не настаивая чрезмерно на своей правоте, мы все же хотим подметить наблюдающееся в данном случае сходство процессов религиозного и научного познания, их одинаковую убежденность в условности приобретенных человечеством региональных языковых, культурных, конфессиональных и прочих различий. Думается, что подобные выводы можно делать лишь в условиях абсолютной свободы сознания, т.е. в том случае, если оно само себя освободило от навязанных извне предубеждений и стереотипов. Каково сознание суфийского мученика, таково же сознание и автора книг «Аз и Я», «Язык письма», «Тюрки в доистории». Оно свободно, но при этом ни в коем случае не произвольно, а доказательно и, вновь повторимся, черпает эти доказательства не из корпуса научно-исследовательских текстов, а непосредственно из источника, объекта исследования, в ходе осмысленного созерцания (ср. термин Сулейменова «языковИдение»).

Если же подробно говорить о существовании культа Луны на заре существования человечества и его роли, то здесь мы заметим, что в этом мнении Сулейменов в целом не одинок, поскольку:

во-первых, так называемые «лунарные мифы» распространены на всем земном шаре;

во-вторых, культ луны, действительно нередко связан с культом «рогатого» быка; в-третьих, художественный образ луны носит универсальный характер и наделен устойчивыми коннотациями.

Приведем по этому поводу выдержку из Энциклопедии «Мифы народов мира», содержащей статью И.И. Иванова «Лунарные мифы»:

«Лунарные мифы, - распространённые (по-видимому, уже начиная с палеолита) у всех народов мира мифы, одним из главных действующих лиц которых является луна, находящаяся в тех или иных отношениях с солнцем; в более широком смысле лунарные и солярные мифы включаются в разряд астральных мифов. <...> Сопоставление лунарных знаков палеолитического искусства и наиболее архаических Л. м. позволяет (пока еще в очень гипотетической форме) наметить вероятный путь развития Л. м. от представления о месяце как воплощении мужского начала в зооморфном коде (бык и др.) к значительно

более поздним представлениям, согласно которым луна выступает в качестве женского персонажа, иногда второстепенного»³⁸.

В своих работах «Язык письма», «Улыбка бога» и «Код слова» Сулейменов выдвигает соображения, согласующиеся с изложенными представлениями. Таковы рассуждения Сулейменова относительно превращения палеолитической пиктограммы луны в неолитическую идеограмму мужского начала (бык - Бог), с дальнейшей трансформацией в идеограмму женского начала (например, луна как ребро Адама, т.е. Ева), в целом противоположную мужскому (и божественному) началу (действительно, «рогатыми» в итоге стали именно христианские бесы).

Важным является также то, что, по мнению автора, в дальнейшем лунопочитание породило собой солярные мифы и религии, которые в свою очередь, стоят у истоков самых различных философских учений и видов искусства:

«Могучий ствол солнцепоклонничества, возросший на корнях лунопочитания, породил пышную крону религий, унаследовавших символику первых общечеловеческих вер. Знаки, превратившиеся в идеограммы – гербы, эмблемы, орнаментальные узоры – изначально были образными письменами, имевшими и божественные, и предметные значения, благодаря которым названия их становились словами»³⁹.

С точкой зрения автора трудно не согласиться, поскольку история человеческой культуры, включая и историю человеческих верований, можно рассматривать как историю письма и геральдики.

Вообще говоря, взгляд О. Сулейменова на генезис религиозных культов в целом находится в рамках материалистической философии (в то время как взгляд на знак как феномен культуры у него тяготеет к идеалистическим представлениям – см. ниже). При этом совершенно справедливым представляется замечание Сулейменова о генетической, или даже онтологической, связи религии и письма. Ср.:

«Любое письмо в истории – выразитель религиозной идеологии прежде всего. И лишь затем – государственности и культуры. Все новейшие религии входили в мир со своей письменностью. Иудаизм – древнееврейское письмо, христианство – греческое, латинское; буддизм – древнеиндийское; зороастризм – авестинское; мусульманство –

³⁸ Иванов В.В. Лунарные мифы // Мифы народов мира [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.mifinarodov.com/l/lunarnyie-mifyi.html>

³⁹ Сулейменов О. Язык письма: Взгляд в доисторию – о происхождении письменности и языка малого человечества // Татарская электронная библиотека [Электронный ресурс]. - URL: <http://kitap.net.ru/sulejmenov/yazykpisma>

арабское... <...> Религия бесконечного каменного века стала матерью духовной и материальной культуры взрослого человечества»⁴⁰

Кроме того, важность священного писания для любой религии невозможно переоценить. Писание же невозможно без письменности. Следовательно, существование развитых религиозных систем было бы технически невозможно без письменности как таковой. Так, например, славяне в древности имели свой вариант солнечного пантеона богов (Перун, Велес, Стрибог и мн.др.). Однако отсутствие письменности не позволило славянам привести свою мифологию в такую же стройную систему, какая была, например, у египтян, греков, индусов. Поэтому неразрывная связь религиозного культа и письменности обусловлена самой природой этих феноменов. Их взаимная зависимость и взаимная обусловленность широко отмечают исследователями и в справочной литературе. Так, в электронном «Грамматологическом словаре» читаем:

«Религия оказывает на письмо консервативное воздействие. Во многих странах некоторые уникальные системы письма выжили лишь благодаря тому, что являлись культовыми. Культовые письмена меньше всего подвержены каким бы то ни было изменениям. Письмо всегда следует за религией, т.е. если в какой-либо стране изменяется религия, то изменяется и письмо»⁴¹.

Поясним, что грамматология (графемика, грамматогрфия, алфаветистика, филография; от греч. Γράμμα «буква», λόγος «учение») - семиотическая дисциплина, наука о письме, письменных системах, генеалогии письма и о его развитии и перспективах; особая познавательная дисциплина, призванная изучать роль широко понимаемого понятия «письмо» в культуре. Сторонники этой теории на Западе склонны абсолютизировать роль письма в становлении человеческой культуры, считая его основой человеческой цивилизации. Надо понимать, что идеи Сулейменова, сближаясь с идеями И. Гельба и Ж. Дерриды, к ним, однако же, не восходят. Более того, одной только мыслью об основополагающей роли письма в культуре, всякое сходство грамматологии и концепции письма Сулейменова исчерпывается. Ср.: «Грамматология, соприкасаясь с областями естествознания, способна дополнить наши знания о происхождении жизни. Так, например, улавливается глубинное строение алфавита с генетическим кодом (актуальной становится дилемма: является ли способность к письму врожденной,

⁴⁰ Сулейменов О. Язык письма: Взгляд в доисторию – о происхождении письменности и языка малого человечества // Татарская электронная библиотека [Электронный ресурс]. – URL: <http://kitap.net.ru/sulejmenov/yazykpisma0-02>.

⁴¹ Грамматологический словарь [Электронный ресурс] URL: http://grammatologiya.academic.ru/112/Религия_и_письмо

существует ли «ген письма?»), а сами графемы – с фрактальными или кристаллическими структурами. Процесс зарождения знаков (семиозис) некоторые исследователи пытаются увязать с проблемой физического вакуума и созданием вероятностной математической модели письма»⁴².

Ясно, что концепция письма у Сулейменова, ни в коей мере не отсылает нас ни к генетике, ни к физике, ни к математическому моделированию. Спорность статуса грамматиологии как науки для нас самоочевидна, хотя категорически отвергать ее положения также невозможно, по той причине, что филологи, как правило, некомпетентны в генетике, физике и математике. Более того, сама природа человеческой речи (как устной, так и письменной) не до конца выяснена. Поэтому, чем больше мнений и догадок на этот счет высказывается, тем лучше для науки. Этим, собственно говоря, наука и отличается от религии, для которой деятельность ересиархов всегда пагубна, приводя к возникновению социально опасного явления – сектантства. В науке же это как будто исключено, поэтому, на наш взгляд, грамматиология – это еще один из аспектов философии языка.

Однако необходимо вернуться к взглядам Сулейменова на историю древности и письменности и, в связи с этим, - к вопросу о его отношении к историческому источнику.

Мнение Сулейменова о том, как должно относиться к источнику можно понять, обратившись к следующим его рассуждениям о том, как в мировой науке оценивается подлинность текста «Слова о полку Игореве»:

«Скептикам, целиком отвергающим «Слово», не доставало доверчивости; апологетам, целиком принимающим,- здравого скептицизма. Не только сомнение - двигатель науки, но и не только безоглядная вера. Иначе историческая реликвия становится одним атрибутом двух религий - нигилизма и патриотизма. *Знать источник важнее, чем знать то, что нужно получить от него.* В этих условиях самая ценная фигура в науке - скептик».⁴³

По мнению Л.Н. Пушкарева, существуют исторические источники целесообразно подразделять на письменные, вещественные и этнографические.

Письменные исторические источники включают в себя два типа: документальные и повествовательные. Первые из них отражают в себе действительность, а вторые представляют собой ее преломление в сознании авторов. Каждый из родов включает в себя несколько видов. Под видом Пушкарёв понимает «исторически сложившийся

⁴² Грамматологический словарь [Электронный ресурс] URL: <http://grammatologiya.academic.ru/28/Грамматология>

⁴³ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. - 272 с.– С. 7

комплекс письменных источников, для которых характерны сходные признаки их структуры, их внутренней формы»⁴⁴.

Очевидно, что при такой классификации текст «Слова о полку Игореве» может быть отнесен сразу к двум типам исторических источников: к документальным и повествовательным. С одной стороны, в основе сюжета лежат реальные исторические события, изложенные с документальной достоверностью. С другой же стороны «Слово» - несомненно, художественное повествование.

На наш взгляд, многочисленные споры и разногласия вокруг этого памятника древнерусской литературы происходят не в последнюю очередь из-за этой двойственной его природы.

Относясь к нему как к документальному свидетельству исторических событий «скептики» придираются к фактическим нестыковкам, возникшим в результате неудачной расшифровки «темных мест». Напротив, восторженные адепты «Слова» восхищаются точностью передачи исторических реалий (включая солнечное затмение, произошедшее, согласно данным современной астрономии 1 мая 1885 г.):

«Солнечное затмение 1 мая 1185 года — полное солнечное затмение, которое наблюдалось на территориях Центральной Америки, Северной Европы, Древней Руси, современного Казахстана. <...> Затмение упоминается в Слове о полку Игореве и было расценено князем Игорем как предвестник беды. Сам князь и его дружина находились значительно южнее полосы полного затмения и могли наблюдать только частное затмение. <...> Другое описание содержится в Ипатьевской летописи, где затмение связано с походом князя Игоря Святославича, наблюдавшего его около реки Северский Донец, где оно должно было быть и действительно описано частным: «солнце стояще яко месяц»⁴⁵.

В то же время, «Слово» - несомненно, одно из наиболее поэтических произведений в древнерусской литературе.

Проблема, или даже трагедия «Слова», на наш взгляд, заключается в чрезмерной политизированности, точнее идеологизированности, всех научных парадигм, развернутых вокруг него. Сулейменов в книге «Аз и Я» приводит весьма интересную цитату С. Леснова (Парамонова): «Некоторые наши друзья сочли наши критические замечания слишком резкими по форме. Мы хотели бы указать им и всем придерживающимся

⁴⁴ Пушкарев, Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л.Н. Пушкарев. — М.: Наука, 1975. — 281 с.

⁴⁵ **Солнечное затмение 1 мая 1185 года** / Материал из Википедии – Свободной энциклопедии. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Солнечное_затмение_1_мая_1185_года (дата обращения 26.01.2017)

принципа непротивления злу, что 1) всякому терпению бывает конец, 2) и в науке должна быть ответственность, безнаказанности здесь нет места!.. Хуже то, что в вопросе о «Слове» объединились русские всех цветов: «белые», «красные» и «зеленые» - очевидно, их единодушие имеет под собой более солидную базу, чем даже их разногласия»⁴⁶

В этом смысле «Слово» сродни литературному наследию А.С. Пушкина. Мы имеем в виду отсутствие реальной возможности что-либо поменять на сегодняшний день в уже сложившейся системе оценок и интерпретаций произведений и творчества в целом великого поэта. Лозунг «Пушкин – это наше всё» - тоже «объединяет русских всех цветов – красных, белых, зеленых». Люди «самого большого в мире разделенного народа», сколь бы глубоко не расходились в своих взглядах на политику, историю, литературу, культуру, религию и проч., всегда сходятся в одном – в оценках А.С. Пушкина и «Слова о полку Игореве».

Заметим при этом, что отношение к Пушкину неоднократно менялось. Так, при жизни его считали не гением, просто талантливым поэтом, ставя его в один ряд с Батюшковым, и Баратынским. В 1860-е литературный критик Дмитрий Писарев выступал против Пушкина, имея в виду его «аполитичность», относя его творчество к разряду «искусства для искусства». Достоевский во время гражданской панихиды по Некрасову высказал мысль о том, что покойный талантом встал рядом с Пушкиным. Толпа же была не согласна, считая Некрасова выше Пушкина. Футуристы в своем манифесте «Пощечина общественному вкусу» призывали «бросить Пушкина и Достоевского с парохода современности». Наконец, в 1937 году, когда отмечалось 100-летие смерти поэта, большевики установили культ Пушкина. Заметим, что именно в это время (1937) в Париже на средства белоэмигрантов был сооружен и открыт памятник Пушкину как символа русской национальной идеи.

В качестве такового – символа – Пушкин воспринимается и сегодня. В связи с этим, любая попытка понимать его творчество иначе, чем завещал В.Г. Белинский, карается непониманием и остракизмом.

«Слово о полку Игореве» - также волею судеб стало одним из краеугольных камней русской национальной идеи. Именно поэтому отношение к нему было и остается трепетным как у «рядовых граждан», так и у власти (любого периода). Не вполне, может быть, уместное в контексте данного исследование сопоставление таких явлений, как памятник древнерусской литературы и наследие Пушкина, необходимо нам для того,

⁴⁶ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. - 272 с.– С. 7

чтобы подчеркнуть системный характер такого явления, как неприятие альтернативных интерпретаций некоторых произведений искусства.

В то же время не редкость и обратная ситуация. Так, если дело касается какого-либо другого произведения древнерусской литературы, русская наука демонстрирует достаточно широкий плюрализм мнений и либеральное отношение к исследовательским выводам. Таково, например, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, в котором в гораздо большей мере, чем в «Слове» отражен древнерусский филологический и религиозный мультикультурализм и всякого рода толерантность. Это доказывается наличием в тексте огромного количества транслитерированных средствами кириллицы тюркизмов, фарсизмов и арабизмов *«В Ындѣя же какъла чектуръ а учюсьдѣрь: секишь илирсень ики жител; акичаны ила атарсын алты жетел беръ; булара достуръ. А куль коравашъ учюзь чяр фуна хубъ, беш фуна хубе сиа; капъкара амъчюкъ кичи хошь»*. В переводе с тюркского это означает: *«В Индии же гулящих женщин много, и потому они дешевые: если имеешь с ней тесную связь, дай два жителя; хочешь свои деньги на ветер пустить — дай шесть жителей. Так в сих местах заведено. А рабыни-наложницы дешевы: 4 фуны — хороша, 5 фун — хороша и черна; чёрная-пречёрная амъчюкъ маленькая, хороша.»* (использованы персидские слова: چهار çāh «четыре», خوب хуб «хороший») ⁴⁷. Встречаются даже целые фразы на тюркском: *«Кетъмышьтыр имень, уручь тутътым»*, в переводе — *«с думой: погибла вера моя, постился я бесерменским постом»* ⁴⁸.

При всей одиозности содержания и поистине «вавилонской смеси языков» наряду с явной дерусификацией мировоззрения автора, этот текст не вызывал никогда на себя столь яростного огня со стороны ревнителей чистоты славяно-православной культуры. Никто – ни переписчики, ни исследователи - не вымарывал из текста «темные» и «непонятные», компрометирующие автора варваризмы и не пытался оспорить подлинность текста. В связи с этим возникает вопрос о том, что же такое «Слово о полку Игореве» для русского сознания, и почему страсти о нем не утихают с самого момента его обнаружения графом Мусиным-Пушкиным до сегодняшнего дня?

Ответ на этот вопрос, на наш взгляд, заключается в следующем. «Слово» оказалось очень удобным материалом для разного рода идеологических манипуляций и спекуляций. В сюжете есть все для того, чтобы доказать, что русские в 12 веке несколько не преодолели варварства, и христианство им было чуждо в не меньшей степени, чем

⁴⁷ Хождение за три моря // Материал из Википедии – Свободной энциклопедии [Электронный ресурс] - URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хождение_за_три_моря (Дата обращения: 26.01.2017)

⁴⁸ Хождение за три моря // Материал из Википедии – Свободной энциклопедии [Электронный ресурс] - URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хождение_за_три_моря (Дата обращения: 26.01.2017)

«поганым половцам». Можно доказать, что Игорь, прикрываясь высокими словами о необходимости защитить Русскую землю, фактически совершает набег на чужие территории, желая их присоединить к своим землям, тем самым следуя заветам собирателей русских земель в древности, ведя откровенно агрессивную, захватническую политику. Вообще много материалов почерпнуть в «Слове» для создания какого-нибудь русофобского трактата.

С другой же стороны, можно доказать, что в тексте имплицитно присутствует намек на христианское подвижничество, что перед нами вообще нечто вроде описания крестового похода против язычников. Можно также легко убедиться в том, что в тексте звучат высокие слова о величии русской истории, о могуществе русских владык, удали и силе русских воинов и т.д. Звучит внятный, отчетливый призыв к воссоединению, обращенный к русским князьям, разделенным братоубийственными распрями. Заметим, что все это написано в глубокой древности, и очень хорошо представляется как некое завещание, оставленное мудрыми предками потомкам на все времена. Именно в таком ключе трактуется идейное содержание «Слова» в современных общеобразовательных школах. И здесь – солидный арсенал аргументов для всякого рода теорий правого толка, которыми так любят манипулировать панслависты.

Мы не хотим сказать, что «Слово» именно так и используется. Мы говорим, что оно может использоваться в подобных идеологических контекстах. С учетом же этого факта, становится понятной и та «горячность», которая характеризует полемику «скептиков» и «адептов» «Слова», проявляемая ими во все времена.

Особенность взгляда Олжаса Сулейменова на «Слово о полку Игореве» и на русскую историю, «воплощенную» в ней (как в *документальном источнике*) и «отраженную» в сознании автора (как в *художественном повествовании*) заключена в его объективности. Олжас Сулейменов не имеет предрассудков, свойственных «русским всех цветов». Ему легко и приятно говорить правду (М. Булгаков), хотя его книга именуется весьма иронично: «Книга благонамеренного читателя».

С учетом тех коннотаций, которыми сопровождается семантика слова «благонамеренный», можно заключить, что автор изначально предполагал резкую реакцию на свою книгу. Ср. в «Толковом словаре» Д. Ушакова: «БЛАГОНАМЕРЕННЫЙ, благонамеренная, благонамеренное; благонамерен, благонамеренна, благонамеренно (офиц. дорев.). Придерживающийся официального образа мыслей».

Для Сулейменова же слово «благонамеренный» хотя и сохраняет свое исконное значение, он все же содержит в себе изрядную долю энатиосемии (внутренней

антонимии), т.к. он не намеревался «повторять» официальную точку зрения. Слово же подсказано ему Мусиным-Пушкиным. Ср.:

«В предисловии к своему изданию Мусин-Пушкин писал: «Остались еще некоторые места невразумительными, то и просит (переводчик) всех благонамеренных читателей сообщить ему свои примечания для объяснения сего древнего отрывка Российской словесности». До сих пор благонамеренные читатели признают, что противительный союз «а» здесь употреблен автором в значении сочинительного - «и»»⁴⁹.

Мы считаем, что «благонамеренность» Сулейменова проявилась именно в его «благом намерении» разъяснить для науки некоторые «темные места», глядя на текст «Слова», - вновь повторимся – непредвзято, без предварительной установки на извлечение официально одобряемого результата.

Однако, по известной сентенции:

Благими намерениями вымощена дорога в ад

После выхода в свет книги на Олжаса Сулейменова в 70-е годы в Советском Союзе началась настоящая травля: поэта обвиняли в русофии, национализме. В целом же книга вызвала неоднозначную реакцию в советском научном сообществе. На автора обрушился шквал негативных рецензий, впрочем, многие ученые из Москвы по достоинству оценили труд автора из Казахстана. Мы уже отмечали в первой главе те перипетии, с которыми столкнулось первое издание книги в 1975 г. К сказанному следует добавить, что до сих пор не каждое российское издание соглашается публиковать труд О. Сулейменова. Более того, травля продолжалась и уже после распада Советского союза. Хочется думать, что это всего лишь инерция.

Так, обратившись к пятитомной «Энциклопедии «Слова о полку Игореве» (СПб, 1995), мы искренне рассчитывали на положительную характеристику заслуг Олжаса Омаровича. Вместо этого наблюдаем такую картину. В статье «СУЛЕЙМЕНОВ Олжас Омарович» сначала приводятся краткие биографические сведения. Затем перечисляются некоторые (далеко не все) «темные места» «Слова», интерпретированные Сулейменовым в книге «Аз и Я». Но большая часть статьи содержит следующее:

«Научно обоснованная критика книги Сулейменова была дана в работах Дмитриева и Творогова, Г. И. Коротенко, Лихачева, А. Н. Робинсона, И. М. Склера. Отмечая увлеченность, лит. талант и любовь к С. автору книги, эти исследователи показали, что большинство предлож. им прочтений является несостоятельным. <...> Все

⁴⁹ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. - 272 с.– С. 94.

основные положения книги и предлагаемые варианты прочтения текста С. остались и в изд. 1989 и 1991. Не были учтены также замечания о неполноте науч. аппарата книги, в том числе указания рецензентов на то, что ряд интерпретаций до Сулейменова уже предлагался исследователями (М. В. Щепкиной, Твороговым и др.).

В статье 1985 Сулейменов рассмотрел использование полногласной формы в выражении «хороброе гнездо» как поэтич. прием автора С.»⁵⁰

Как видим, за двадцать лет, прошедших с момента выхода в свет и запрещения книги «Аз и Я» до публикации и широкого внедрения в практику «Энциклопедии «Слова о полку Игореве»» ничего особенно не изменилось. Более того, на ум приходит сцена из романа Булгакова «Мастер и Маргарита», так и не завершённого в 1940 году:

«Я впервые попал в мир литературы, но теперь, когда уже все кончилось и гибель моя налицо, вспоминаю о нем с ужасом!- Торжественно прошептал мастер и поднял руку.- Да, он чрезвычайно поразил меня, ах, как поразил!

- Кто?- Чуть слышно шепнул Иван, опасаясь перебивать взволнованного рассказчика.

- Да редактор, я же говорю, редактор. Да, так он прочитал. Он смотрел на меня так, как будто у меня щека была раздута флюсом, как-то косился в угол и даже сконфуженно хихикнул. Он без нужды мял манускрипт и крякал. Вопросы, которые он мне задавал, показались мне сумасшедшими. Не говоря ничего по существу романа, он спрашивал меня о том, кто я таков и откуда я взялся, давно ли пишу и почему обо мне ничего не было слышно раньше, и даже задал, с моей точки зрения, совсем идиотский вопрос: кто это меня надоумил сочинить роман на такую странную тему?»

Действительно, благо, что автор статьи в «Энциклопедии» хотя бы не задается вопросом о том, кто кого надоумил. В остальном же – все в духе старых традиций.

Мы исходим из того, что книга «Аз и Я» написана полиглотом, памятуя о справедливом суждении Людвиг Витгенштейна, считавшим, что «границы моего языка означают границы моего мира». Соответственно знание нескольких языков расширяет эти границы. Иными словами, взгляд тюркоязычного на древнерусский текст позволяет увидеть новые, непостижимые для монолингвов его грани. Впрочем, на проблеме тюркизмов в «Слове» в их интерпретации Сулейменовым мы намерены остановиться в следующем разделе настоящего исследования. Сейчас же мы задержим внимание на исторических воззрениях Сулейменова, нашедших отражение в книге «Аз и Я».

Так, обращают на себя внимание рассуждения, в которых автор интерпретирует фрагмент:

⁵⁰ Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 томах / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). — СПб.: Дмитрий Буланин, 1995 <http://feb-web.ru/feb/slovinc/es/>

А чи диво ся, братие, стару помолодити?
Коли соколь въ мытехъ бываетъ,
высоко птицъ възбиваетъ;
не дасть гнезда своего въ обиду:

«После неудачной битвы с турками при Никополе (1386 г.) французский король Карл VI выкупил двух своих маршалов де-Бусико и де ля Тремогля за несколько кречетов. А герцог Бургундский добился освобождения своего сына у тех же турок за дюжину ловчих птиц. Иван Грозный, желая поладить с Англией, посылал в подарок королеве Елизавете русских кречетов, но отказал в этой же милости Стефану Баторию, написав: «Были прежде у меня кречеты добрые, да извелись».

На Руси сокол всегда был птицей высокочтимой. Уже на гербе Рюриковичей родовой эмблемой был сокол. Что касается соколиных охот, то о них летопись впервые упоминает в IX веке»⁵¹.

Как видим, познания Сулейменова в области культуры и быта Древней Руси достаточно обширны. В любом случае, их достаточно для того чтобы давать экспертную оценку этнокультуроведческим реалиям, отраженным в «Слове о полку Игореве». Поэтому упреки в недостаточном знании исторических фактов, если и справедливы, то лишь ровно настолько, насколько вообще историю Древней Руси можно считать изученной.

Заметим, что история народов и держав вообще всегда полна темных пятен, загадок и противоречий, поскольку на нее экстраполируется загадочность и противоречивость человека как феномена. Для нас очевиден изоморфизм, наблюдаемый между личностью и обществом. Как любая личность является носителем разума (просвещенного, здравого или, напротив, невежественного и больного), так и общество является носителем стихийного народного сознания (в той же мере способного быть просвещенным или невежественным, а иногда и больным). Как любая личность успешно сочетает в себе пороки и добродетели, так и общество (народ) может совершать подвиги и безрассудства. Наконец, как личность исполнена внутренних противоречий и не до конца ей же самой понятных интенций, так и развитие общества бывает многовекторным и слабо контролируемым.

Соответственно, если личность с трудом припоминает свой вчерашний день, или, хуже того, события многолетней давности, то что с достаточной долей уверенности

⁵¹ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. - 272 с.– С. 23.

можно сказать об истории общества? Так ли уж все ясно нам в прошлом, в котором и современники плохо ориентировались?

Мы, разумеется, чужды агностицизма или нигилизма по отношению к такой науке как история. Однако к ней все же неприменим естественнонаучный подход, позволяющий в ходе повторных экспериментов верифицировать добытые знания. Следовательно, в любой, даже самой признанной историографической концепции остается нечто от первичной гипотезы, нечто не вполне доказанное. Поэтому при желании, «ошибки» можно найти у любого авторитета, поскольку в темных и глубоких водах истории истина не видна.

Тем не менее, в рамках существующей сегодня исторической науки, разработано великое множество методов, о правильности которых нам не позволяет судить уровень и профиль нашего образования, но которым привыкло *доверять* человечество. Именно концепт «вера» приходит на ум при исследовании истории. На наш взгляд, это сближает ее с более древней формой познания – мифом, а миф допускает, как известно, допускает разночтения.

Доказать это свойство истории весьма просто. Достаточно сопоставить между собой учебники по истории разных лет, и мы убедимся, что одни и те же исторические личности то превозносятся как великие благодетели, реформаторы, борцы за независимость и т.п., то беззастенчиво демонизируются, представая в роли тиранов, убийц и предателей. Так почему же безобидная неточность (?) о том, что матерью Игоря была половчанка, вызывает такие ожесточенные нарекания?

Очевидно, осознание влияния тюркских культур (и генов) на Древнюю Русь – тема табуированная раз и навсегда, со времен Петра Великого, приказавшего русским быть европейцами. Как ни странно, пережив несколько столетий и революций разного формата, этот приказ все еще в силе, хотя двуглавый орел, обращенный одним лицом на Запад, а другим все-таки на Восток, неизбежно возвращается в состав национальной символики.

Драма книги «Аз и Я» весьма показательна в этом отношении. Русский этнос при всей своей толерантности и «всеотзывчивости души» (по Ф.М. Достоевскому), продолжает «стесняться» быть потомком не только славян, но и тюрков, и финно-угров.

Существует даже пословица:

Мордва и чувашки – люди не наши

Таким образом, заслуга Сулейменова заключается в формировании трезвого, незамутненного какими бы то ни было идеологемами взгляда на русскую историю. Это же самое можно сказать и об истории тюрков, и об истории человечества в целом.

Так, он предлагает относительно новый подход к решению культурных и языковых взаимосвязей между тюрками и славянами в разные периоды истории. В связи с этим, в его книге, увидевшей свет в 2002 году «Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменностей», развивается идея становления новой науки – тюркославистики: «Больше века славянские и тюркские языки изучались изолированно друг от друга. Сегодня мы начинаем понимать, что это противоречило природе взаимозависимого развития этносов, знавших на протяжении прошедших тысячелетий длительные периоды двуязычия. Особенно важно, что такое случалось на ранних этапах становления языков, когда совместно вырабатывались грамматические нормы, и происходил активный взаимообмен не только лексическими материалами, но и морфологическими схемами и средствами. Тюркские и славянские словари и грамматики, если поместить их в единое поле зрения, взаимно дополняют друг друга. Должна появиться новая дисциплина - **тюркославистика**, которая может устранить противоречия раздельного изучения. И главным итогом может стать усовершенствование общего языкознания, на достижения которого, как на фундамент, опираются все общественные науки»⁵²

Несомненное влияние на концепцию данной книги Сулейменова оказали идеи Льва Гумилева, автора знаменитой (и тоже, кстати говоря, старательно демонизируемой) теории пассионарности. Лев Гумилев в своем исследовании «Древние тюрки» справедливо отмечал:

«История человечества изучена крайне неравномерно. В то время как последовательность событий и смен общественных формаций в Европе и на Ближнем Востоке была изложена в общедоступных сводных работах уже в конце XIX в., а Индия и Китай описаны в начале XX в., огромная территория евразийской степи еще ждет своего исследователя. Особенно это касается периода до появления на исторической арене Чингисхана, когда в центральноазиатской степи сложились и погибли два замечательных народа - хунны и древние тюрки, а также много других, не успевших прославить свои имена <...> Древние тюрки, несмотря на их огромное значение в истории человечества, были малочисленны, и тесное соседство с Китаем и Ираном не могло не отразиться на их внутренних делах»⁵³.

Как видим, работа Гумилева затрагивает проблему культурных взаимодействий тюркского этноса с Китаем и Ираном. Сулейменов же, развивает тему и обращен к

⁵² Сулейменов О.О. Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменностей. - Алматы: Изд-во «Атамұра», 2002.

⁵³ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. – М.: Кристалл, 2004. [Электронный ресурс]. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/OT/ot00.htm> (дата обращения: 27.01.2017).

тюркско-славянским культурным и языковым связям. Идея тюрко-славистики, на наш взгляд весьма перспективна, поскольку существование языковых контактов между славянскими и тюркскими языками в разные периоды истории и в разных регионах Евразии само по себе сомнений не вызывает. Иное дело – вектор и степень влияний, а также то, насколько исследователи (слависты и тюркологи) психологически (!) и идейно готовы исследовать круг этих вопросов.

Мы исходим из понимания того факта, что славянские языки являются результатом длительного многовекового развития, проходившего нередко в единых ареалах с тюркскими языками. Так, большинство южнославянских народов длительное время находились под османским игом, в связи с чем турецкий язык оказал колоссальное влияние на болгарский, сербо-хорватский и македонский языки. Влияние это было столь велико, что языки всех балканских народов (помимо греческого) наряду с турецким входят в Балканский языковой союз.

Тюркские языки также испытывали периоды сильнейших влияний со стороны славянских. Например, практически все тюркские языки на территории СНГ на протяжении нескольких столетий испытывали (и продолжают испытывать) сильнейшее влияние со стороны русского языка. Этому в свое время способствовала русификаторская политика царизма и Советской власти, этому способствует и реальная потребность в интеграции в настоящее время.

Заметим также, что, по нашим наблюдениям, в ряде стран Содружества независимых государств русский национальный язык демонстрирует тенденцию к регионализации. Так, в тюркоязычных странах он активно заимствует тюркские (казахские, узбекские, киргизские) слова, обозначающие факты местной общественно-политической жизни, а также этнокультуроведческие реалии типа наименования национальных блюд, традиций, праздников и под.

При этом влияния не ограничиваются лексическим уровнем. На уровне фонетики (точнее, фонации) устной речи русский язык в Центральной Азии испытывает заметное влияние со стороны произносительной базы современных тюркских языков, что надо признать естественным процессом, поскольку суперсегментные единицы фонетики (прежде всего интонация) усваиваются говорящими неосознанно. Именно поэтому русскоязычное население Центральной Азии начинает использовать в своей речи тюркские (либо таджикские) интонационные конструкции, приобретая некий «акцент», хорошо опознаваемый на слух жителями европейских регионов России.

В любом случае тюркославистика открывает широкие возможности для научной дискуссии, которая будет конструктивной только в случае, если окажется свободной от

тех или иных идеологем. Насколько последнее условие выполнимо для славистов и тюркологов – вопрос весьма и весьма открытый.

Возвращаясь к теме, отметим, что Сулейменов неоднократно высказывался по поводу конструктивного влияния взглядов Гумилева на его концепцию истории. Так, в интервью, данном 4 июня 2013 г. известной журналистке Айгуль Токсанбаевой Олжас Омарович высказался следующим образом:

«А.Т.: А вы разделяете его <Л. Гумилева> точку зрения на влияние тюрков на мировое развитие, пассионарность?»

О.С.: Его книга «Древние тюрки» и привлекла меня к тюркологии. Потом «Слово о полку Игореве» убедило, что славистика нуждается в тюркологии. Тюркославистика поможет этимологам выявить генезис слов, составляющих треть, а то и более славянского словаря. Труды Гумилева тоже не всем нравились. Он вынужден был после лагерей защитить диссертации. Но у него до получения научного звания были призвание и знания. Этим он отличался от большинства историков с дипломами.

А.Т.: Вы когда с ним встречались?»

О.С.: Где-то в конце 80-х. Мы приехали в Ленинград с моим азербайджанским другом, тюркологом Айдыном Мамедовым, который позже погиб на карабахской войне. Он нашел около 800 шумеро-тюркских соответствий вдобавок к моим 60. Мы зашли ко Льву Николаевичу, принесли ему корзину азербайджанских помидоров. А до этого я прочел в «Комсомолке» его интервью, где на вопрос, как он относится к книге Сулейменова «Аз и Я», Гумилев ответил: «Отрицательно отношусь. Но не буду ничего плохого об этой книге говорить, потому что отбывал срок с отцом автора в одном лагере». Я выступал в книге против теории академиков Лихачева, Рыбакова, Кононова и при этом ни разу не сослался на труды Гумилева, не оперся на них. Вот это его, вероятно, обидело. Он был моим учителем, узнавал свои мысли в книге»⁵⁴.

За книгу «Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменностей» Сулейменов стал первым лауреатом премии имени Кюльтегина «За выдающиеся достижения в области тюркологии» (2002), а по итогам своих работ удостоился Международной премии «За вклад в тюркский мир» (Турция).

⁵⁴ Олжас Сулейменов: «Нам нужна Россия» // Портал Voxropuli/kz [Электронный ресурс] - URL: <http://www.voxropuli.kz/interview/1154-olzhass-suleymenov-nam-nuzhna-rossiya.html> (дата обращения: 27.01.2017)

Однако наибольшую широту взгляда на историю как процесс Сулейменов демонстрирует в книге «Язык письма».

В этой работе высказан нетривиальный взгляд на историю человеческого письма, причем эта тема рассматривается на фоне имплицитно присутствующей в книге концепции общечеловеческой истории. Для Сулейменова история человеческих сообществ нашла свое отражение в истории их письменности. И, более того: иногда отдельные аспекты истории определялись историей письменных знаков.

Все это, безусловно, не совсем похоже на привычные всем сведения из учебников по курсу «Введение в языкознание». Обычно признается влияние уровня культуры и иных компонентов цивилизации на становление письма. Широко признается обусловленность графического знака актуальными концептами или же фреймами сознания.

Так, сама идея зооморфности первых пиктограмм высказывалась в науке неоднократно, хотя и с разными выводами. Например, в упомянутом нами учебнике Ю. Маслова развивается мысль о том, что значение логограммы (не только зооморфной) могло переноситься на другие объекты, прежде всего, на основании фонетизации, т.е. по принципу созвучия. Иными словами, один и тот же знак применялся для обозначения омонимов. Ср.:

«Переносы знака на целые ряды связанных смысловыми ассоциациями слов (например, 'нога' -> 'идти, стоять' или 'глаз' -> 'видеть, смотреть, внимание, зоркость' и т. д.), естественно, создавали и увеличивали полисемию знаков логографического письма. Там же, где логограмму начинали употреблять для обозначения слова, тождественного или близкого по звучанию, возникала принципиально новая ситуация: ведь такой перенос вел к фонетизации логограммы, к превращению ее из знака слова в знак определенного комплекса звуков, соответствующего двум или нескольким совершенно разным по значению словам. Фонетизованные логограммы широко представлены уже в древнейших, исторически известных системах письма. Например, древние египтяне передавали глагол

'становиться' изображением навозного жука , так как корни соответствующих слов содержали одинаковые согласные, а прилагательное 'большой' (на таком же основании) —

изображением ласточки . Дальнейший шаг состоял в том, что знак, указывавший на слово как на некий звуковой комплекс, начинал применяться уже не только для сходно звучащих слов, но и для сходно звучащих частей слова и в таком употреблении уже вообще переставал быть логограммой. Он мог теперь, указывая на определенное звучание, передавать ту или иную часть слова, значащую (суффикс, окончание и т. д.) или незна-

чащую (звуковой отрезок той или иной протяженности, слог, наконец, и отдельный звук)»⁵⁵.

Заметим, что описываемый в учебнике механизм «фонетизации» происходит в диахронии отдельного языка. Что же касается дихотомии «язык: языки», т.е. процесса влияния языков друг на друга, процесса заимствования знаков без обязательной передачи фонетической кальки, то она остается как бы за пределами внимания автора.

Концепция «генетики иероглифа» у Олжаса Сулейменова существенно отличается от хрестоматийной. В его представлении, значение логограммы расширилось не на основе фонетизации, а на основе зрительного образа. В связи с этим им употребляется весьма специфический термин – «языковидение». Важно подчеркнуть, что процесс переосмысливания значения иероглифа происходило в ходе его заимствования иными языками и культурами с последующей достаточно вольной интерпретацией. До Сулейменова этот вопрос игнорировался. Существует множество исследований процесса ассимиляции азбучных систем письма, но нет сколько-нибудь внятных исследований процесса заимствования пиктограмм и иероглифов.

Сулейменов смело обращается к этой проблеме, в то время как другие исследователи делают вид, что такого предмета исследований не существует. Согласно их логике, при отсутствии каких-либо археологических либо археографических данных о контакте между собой тех или иных народов древности, пытаться доказывать общность их языковых, либо даже одних только графических систем бессмысленно. В таких случаях совпадения каких-либо графических знаков у народов, разделенных тысячами километров, объясняют случайностью.

Книга «Язык письма» характеризуется установкой на изучение форм письма и фонетических соответствий без обязательной для «традиционной» этимологии оглядки на археологические исследования и данные других исторических наук. Заметим, что предметом исследования у Сулейменова являются именно те знаки, которые получили свое распространение в так называемой доистории. Т.е. источников информации о человечестве той поры в принципе не существует, именно поэтому возникает безальтернативная необходимость изучения языка (применительно к исследованию Сулейменова правильнее будет сказать - письма) «в самом себе и для себя». Здесь, несмотря на полемику с Соссюром, Сулейменов все же верен одному из его постулатов.

Внешне это выглядит так:

⁵⁵ Маслов Ю.С. Введение языкознание: Учебник для студентов филологических специальностей высших учебных заведений. – М.: Высшая школа, 1987. С.246.

Безотносительно к каким-либо данным археологии Сулейменов «произвольно», на основании одного лишь внешнего сходства (а чаще всего и звучания!) утверждает наличие связей между народами, разделенными тысячами километров и столетиями независимого друг от друга культурно-исторического развития. Например:

- « > u – «десять» (шум.)
- > u – буква в авестийском алфавите
- > u (o) – буква в др.тюрк. алфавите.

В авестийском алфавите знаки для долгих гласных образуются буквальным удвоением ($\cup\cup$ – «а», $\cup\cup\cup$ – «аа») и чертой вниз от основного знака (> – u, > – uu). Переворот не применяется.

Знаки-предшественники включены в финикийский:

- ⤿ ⤿ – kof (*a-u)
- Y – wau (*a-u)
- Δ – kaf (*a-u)

В латинском kof превратилось в Q – kv, в готском этим буквам соответствует знак с точкой: ⊙ – kv.

В разновидностях протоиндоевропейского письма, откуда эти знаки коровы, возможно, служившие племенными гербами, попали в финикийский алфавит, черта отрицания читалась *ka / a / wa. Образованный дифтонг *a-u закономерно развивался в долгие *oo или *uu. Заметив это, грамматисты стали употреблять черту в качестве диакритического знака долготы.

Название знака «убитые рога» стали словами с определённым значением. В индоевропейских: gau – корова (др.инд.), kov – корова (арм.,англ.) и др. Повышенный интерес должны вызвать ab – корова (шум.) kw – корова (др.егип.)»⁵⁶

Другое удивительное наблюдение Сулейменова – над иероглифом стрелы, его фонетическом значением и семантикой у разных народов мира⁵⁷

Более того, у Сулейменова в ряде случаев на основании созвучия семантически сближенных слов, гипотетически реконструируется общность «исчезнувшего»

⁵⁶ Сулейменов О. Язык письма: Взгляд в доисторию – о происхождении письменности и языка малого человечества // Татарская электронная библиотека [Электронный ресурс]. – URL: <http://kitap.net.ru/sulejmenov/yazykpisma>

⁵⁷ Сулейменов О. Язык письма: Взгляд в доисторию – о происхождении письменности и языка малого человечества // Татарская электронная библиотека [Электронный ресурс]. – URL: <http://kitap.net.ru/sulejmenov/yazykpisma>

графического обозначения. Так знак **П** встречается (или должен был встречаться) у народов, которые этнографы не привыкли считать родственными:

«Берем пример из «Краткого этимологического словаря коми языка» В.И.Лыткина и В.И.Гуляева (М., «Наука», 1970 г.). **«Кымынь»** – «кверху дном», «вверх дном», «ничком». В удмурдском – «кымин» – т.ж. «кыминь» – (южн.диалект), «кымыт» (сред.диалект). Слова этого же корня: кымыньтны – «опрокинуть, перевернуть кверху дном» (коми), кыманы – т.ж. (удм.), **комадо** – ничком (эрзя), **комада** – т.ж. (мокш.), **kumota** – опрокидывать, **kumossa** – вверх дном (фин.), **gomo** – опрокинутый (саам.N), **kham** – ничком (манс.), **homta** – т.ж. (хант.).

Авторы предполагают прауральскую праформу ***kuma**, связанную с гипотетической индоевропейской ***g-in**. И в доказательство приводят **kamara** – свод, купол (греч.), **camur** – кривой (лат.). В эту же группу включают тунгузское ***kuma** – «перевёрнутый», родственное **hobo** – перевёрнутый (юкагир.). Этой этимологии не достает знака **П** – *****ha-mun (ha-bun)**. И тогда ряд пополняется древнеегипетскими соответствиями. И романскими»⁵⁸.

Итак, мы видим серию чрезвычайно интересных наблюдений. Однако, легко предвидеть множество возражений со стороны «академической науки», которая резонно возразит, что прямых языковых связей между такими языками, как, например, древнекитайский, праславянский, албанский, английский, греческий, чеченский, тюркский, относимых к совершенно разным языковым семьям и ареально не совпадающих, по определению нет и быть не может. Следовательно, выводы Сулейменова антинаучны, а аргументы «притянуты». Легче всего заявить именно так, не утруждая себя контраргументами.

Но чем же тогда – спросим мы - объяснить столь явное сходство не только графики, но и фонетических соответствий?!

И сами же попытаемся ответить. Сулейменов рассуждает не о языковых заимствованиях, а о заимствованиях графических знаков. А это совершенно иное. Действительно, следует обратить внимание на то, что Сулейменов рассуждает не о заимствовании лексем, а о процессе заимствования графических знаков вместе с их названиями без переводов и каких-либо толкований. Далее в дело вступают интерпретаторы («жрецы»), определяющие для себя и для своего этноса семантику

⁵⁸ Сулейменов О. Язык письма: Взгляд в доисторию – о происхождении письменности и языка малого человечества // Татарская электронная библиотека [Электронный ресурс]. – URL: <http://kitap.net.ru/sulejmenov/yazykpisma>

графического знака и его компонентов, а также значение комплекса звуков, являющегося именем знака.

Если же принять во внимание тот факт, что графика, как это уже отмечалось выше, не является частью системы языка, то процесс освоения графемы (иероглифа, буквы и т.д.) нельзя признать языковым заимствованием в собственном смысле. Он должен быть отнесен к числу культурных заимствований и, соответственно не может быть исследован исключительно лингвистическими методами.

Кроме того, для такого заимствования представителям разных этносов необязательно даже контактировать непосредственно. История знает немало примеров, когда знаки, а иногда и целые системы знаков воспринимались без непосредственного контакта. Так, например, самый распространенный в мире алфавит - латинский – был передан многим народам без непосредственного участия латинян, а арабский распространился на территориях, где из арабов бывали только отчаянные купцы-одиночки.

Иероглифы часто наносятся на предметы быта, украшения и т.д., т.е. вещи, подлежащие передаче, продаже, дарению и т.д. Так, условно говоря, китайский иероглиф, нанесенный на китайскую вазу, мог попасть на Северный Кавказ, а оттуда быть вывезенным в Грецию, затем воспринят латинянами, а у этих последних – всеми остальными. И на наш взгляд, здесь возможны самые невероятные сценарии.

При этом сей механизм действовал не только в древности. И в наше время можно наблюдать подобное. Так, например, молодежь разных стран мира наносит в наши дни так называемые «кельтские татуировки», зачастую произвольно трактуя семантику их орнамента. Или: глобализация, спровоцировавшая распространение так называемой «массовой культуры», привела к распространению такого культурного феномена, как неоязычество. На этой волне широкое хождение получили, например, скандинавские руны (толкуемые также достаточно произвольно), знаки Кабаллы, символы из «Велесовой книги», пиктограммы Таро и т.п.

Все эти соображения позволяют, как минимум, допустить правильность концепции Сулейменова.

Еще один аспект этой теории представляется нам блестящей догадкой. Сулейменов утверждает мысль о том, что графический знак способен оказывать воздействие не только на язык как таковой, но и на культуру в целом. Так, поражает воображение следующее рассуждение автора:

«Нешадное солнце изгоняло человека из экваториальных широт. Обожеествившие быков – земного и небесного, уходили вслед за стадами туда, где трава сочнее. Менялось

положение месяца в более северных широтах и поворачивалось его графическое изображение в письменном поле.

Следствие – жрецы обожествляют «ухо неба». Ухо жрицы прокалывают и вставляют изделие из драгоценного металла или камня, чтобы сверкало, как и положено знаку Венеры.

Место прокола постепенно переместилось с середины ушной раковины на мочку. Удобней и не так болезненно. Но это случилось позже, когда связь с письменным знаком была утрачена и смысл первоначальный утрачен. Осталась только традиция, поддерживаемая слабенькой функцией – «для красоты». Обряд женский, ибо – «Венера».

Не потому ли ухо считалось у вавилонян «вместилищем жизни и разума»? У истуканов острова Пасхи неестественно большие уши, мочки оттянуты до плеч. Вероятно, великое Ухо означало и великий Разум. Большеухие становились жрецами – потомками богов. Влиять на природу человека научились рано. Если веками оттягивать уши тяжелыми подвесками – задача включается в генетический код»⁵⁹

Разумеется, это всего лишь догадка автора, которую многим захочется оспорить, однако доказать неправоту автора также сложно, как правильность его догадки о семантике первых серег и о том, что идея серьги родилась из иероглифа, связанного с неким древнейшим лунарным мифом.

Кроме того существует множество свидетельств о том что в Древнем мире ухо считалось вместилищем божественного, хотя и не соотносилось с луной. Так, например, Голубь Духа Святого иногда бывает представлен в раннесредневековом искусстве влетающим в ухо Девы Марии: Ранние христиане полагали, что Христос был зачат Святым Духом через ухо Девы Марии. Позднее стали комментаторы стали говорить, что Дева Мария услышала Благовещение от ангела и затем зачала; голубь при этом сидит на её плече у самого уха, что означает послушность Божьему слову.

Для нас очевидно, что утверждая детерминированность тех или иных культурных явлений графическим знаком, Сулейменов рассуждает как неоплатоник, как последователь А.Ф. Лосева (с учетом того факта, что именно аксиоматика языкового знака, разработанная Лосевым лежит в основе понимания вопроса Сулейменовым). Идеалистические же воззрения Лосева некогда сформировались под влиянием идей *имяславия*.

⁵⁹ Сулейменов О. Язык письма: Взгляд в доисторию – о происхождении письменности и языка малого человечества // Татарская электронная библиотека [Электронный ресурс]. – URL: <http://kitap.net.ru/sulejmenov/yazykpisma>

Об имяславии сообщается: «Имясла́вие (имябо́жничество, в синодальных документах — имябо́жие, также называемое ономато́доксия) — религиозное догматическое и мистическое движение, получившее распространение в начале XX века среди православных русских монахов на святой горе Афон. Главным богословским положением сторонников имяславия являлось учение «о незримом присутствии Бога в Божественных именах». В этом смысле сторонники имяславия употребляли фразу: «Имя Бога есть Сам Бог»⁶⁰

Разумеется, мы далеки от того, чтобы утверждать непосредственное влияние идей имяславия на понимание Сулейменовым природы слова (логограммы), но косвенное влияние Лосева, тайного монаха и ученика Павла Флоренского, мы все же допустить вправе. Именно еретическая концепция

«Бог не есть имя, но Имя — Бог»

де факто отражена в рассуждениях Сулейменова. Попытаемся проиллюстрировать это рассуждениями из его книги:

«Шумеры выделяли названием крест внутри круга: – **udu** – бог Солнца (***ud-a**). Древние тюрки точку – **üt, öt** – полдень (*зенит?).

Особым способом и раньше, когда точка ещё называлась мягко, получили её наименование в круге другие индоевропейцы. Не умлаутом, не внешней флексией. А искусственным палиндромом: они прочли звуки названия в обратном порядке:

 – ***u-di** (***u-ti**)

Точка: ***di-u** (***ti-u**)

В лувийском иероглифическом (Малая Азия, II тысячелетие до н.э.) **Tiu** – бог солнца. В соседнем, по времени и ареалу, хеттском – **Shiu** – 1) бог солнца, 2) бог (**Shiuas**). Почему я предполагаю, что эти слова и понятия возникли до превращения точки в крест? Точка в «рогах» истолкована и как «солнце в крыльях»: .

Не так ли появился хеттский гербовый знак «крылатое солнце»?

... Это диво станет называться **dīu, div, dev** – бог (др.-инд.). Хеттская традиция унесена на Восток и в индийский пантеон войдет один из главных богов **Шива** (***Shivas** < ***Shiuas**). <...>

Солярность знака отражена в **dium** – небо (поэт. лат.), **dīuus** – 1) день, 2) божественный (лат.). ... Лучшим подтверждением нашей версии о чередовании i / di / d в индо-европейских языках служит имя верховного римского бога **Ju-piter** буквально «Бог-

⁶⁰ Имяславие. Материал из Википедии – Свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Имяславие>

отец». Соотносимое с **Diaus-pitar** – бог-отец (др.инд.) и **Tatis Tiuz** – бог-отец (лув.). Связь Юпитера со знаком быка каким-то тайным образом проступает даже в сентенции: «Что положено Юпитеру, не положено быку». А разве Зевс не принимал образ быка, плывущего через море? И разве не из головы Быка-Зевса вошла Аврора – утренняя заря? Юное, маленькое солнце»⁶¹.

Да и сама контаминация **mũ-ũ-ũŋ** → **bũ-ũ-ũŋ** → **бог** располагает нас к тому, чтобы соглашаться с выводами Сулейменова. Еще более смелыми кажутся утверждения, увязывающие изобретение человечеством колеса с иероглифом :

«Они ушли до изобретения колеса: америнды обходились без этого орудия. Может быть изменение формы солнечного знака помешало им? Круг в иероглифе майя квадратизируется. И повторение его в материале не могло привести к колесу¹.

В культурах Старого Света форма идолов солнца развивается постепенно, подготавливая это изобретение: . Спиц в колесе было или только четыре, или только восемь»⁶².

Ср. также:

«... Китайцы по форме своего древнего иероглифа создали конические шляпы и хижины, чтобы бог сверху видел свой знак. И оберегал людей под этим символом.

... Кто первый применил точку зрения бога? Китайские конические шляпы древнее египетских пирамид, построенных по плану , и старше шумерских ступенчатых – »⁶³

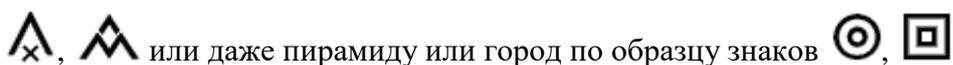
Таким образом, Олжас Сулейменов выдвигает чрезвычайно интересную концепцию, согласно которой начертание иероглифов в ряде случаев могло восприниматься как некая схема, план, по которым принимались различные конструкторские решения. Принципиально такое более чем возможно, поскольку человеческому сознанию свойственно делать открытия на базе ассоциаций. Сравним знаменитое яблоко Ньютона.

⁶¹ Сулейменов О. Язык письма: Взгляд в доисторию – о происхождении письменности и языка малого человечества // Татарская электронная библиотека [Электронный ресурс]. – URL: <http://kitap.net.ru/sulejmenov/yazykpisma>

⁶² Сулейменов О. Язык письма: Взгляд в доисторию – о происхождении письменности и языка малого человечества // Татарская электронная библиотека [Электронный ресурс]. – URL: <http://kitap.net.ru/sulejmenov/yazykpisma>

⁶³ Сулейменов О. Язык письма: Взгляд в доисторию – о происхождении письменности и языка малого человечества // Татарская электронная библиотека [Электронный ресурс]. – URL: <http://kitap.net.ru/sulejmenov/yazykpisma>

Несомненно, что творческой личности в знаках древности всегда чудится какой-то потаенный смысл, в поисках которого «жрец» может делать неожиданные выводы, изначально в знаке не заложенные. «Жрец» всматривается в таинственные очертания древнего иероглифа, и в них усматривает принципиально неограниченное число ассоциаций. Не исключено, что в ходе такой мыслительной работе ему удастся решить некоторую насущную проблему. Например, он может построить вигвам по образу знаков

Кроме того, необходимо указать на еще один аспект прагматики логограммы. Именно они лежат в основе геральдики, т.е. различных гербов, нередко диктуя своим содержанием линию поведения тому социуму, которому принадлежат. Так, если на гербе изображены хищник или оружие, это само по себе побуждает социум вести себя агрессивно. Если же там изображено травоядное животное или орудие мирного труда, то такой знак «программирует» коллективное сознание на мирное существование. Таким образом, логограмма становится экспликатором некоторой концептуальной схемы. Безусловно, здесь открывается целое поле для научных или «ненаучных» исследований, в связи с которыми можно выстраивать связи между геральдикой и палеографией, между культурологией и теорией письма.

В любом случае, мы считаем труды Сулейменова весомым вкладом в раскрытие «кода слова» (этимологию) и в историю языка письма. И хотя концепция Сулейменова в ряде случаев несколько не похожа на официальную науку, все же такое мнение имеет право быть.

На наш взгляд, причина этой внешней, условно говоря, «ненаучности» заключается в том, что Сулейменов подходит к исследованию не как палеограф или языковед, но как *художник слова*. Не будем все же забывать, что, как это уже отмечалось в первой главе, Сулейменов не отделяет друг от друга до конца три способа познания мира – научное, эстетическое и мифологическое. Они для него, как, собственно говоря, и в онтологии, неразрывно связаны. Лишь наука 18-21 веков их старательно разделяла. В действительности же они неразрывны, как неразрывны, но условно разделяемы бывают рациональное и эмоциональное в человеческом сознании.

Иначе говоря, Сулейменову сумел включить в этимологию приемы эстетического познания. При этом он неявно демонстрирует идеалистическое, идущее от А.Ф. Лосева представление о языковом знаке (логограмме), тем самым тяготея к мифу как еще одному способу познания мира.

Читателю книг «Аз и Я», «Язык письма» и «Код слова», безусловно, импонирует образность мышления автора, а также его свобода от догматов и постулатов науки, превращенной в привычку.

II.3 Языковые концепции Сулейменова на примере работы «Тюркизмы в «Слове о полку Игореве»

Выше уже отмечалось, что Сулейменову принадлежит ряд филологических исследований, посвящённых «Слову о полку Игореве», вернее говоря, изучению тюркизмов, представленных в тексте этого памятника древнерусской литературы.

Тема его кандидатской диссертации в аспирантуре уже на кафедре русской филологии КазГУ (1963—1966) — «Тюркизмы в „Слове о полку Игореве“».

Из этой работы в дальнейшем выросла, пожалуй, самая знаменитая книга О. Сулейменова – «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя», выдержавшая целый ряд изданий (первое издание 1975 г.).

Книга «Аз и Я» необычна по многим своим характеристикам. В жанровом отношении ее следовало бы назвать монографией. Однако, являясь таковой по своему замыслу и идейному содержанию, она, тем не менее, по своей форме не вполне встраивается в этот формат. Чтобы пояснить это обратимся к определению монографии как жанра научной прозы:

«Монография (от греч. μόνος — «один, единый» и γράφειν — «писать») — научный труд в виде книги с углублённым изучением одной темы или нескольких тесно связанных между собой тем. Монография относится к жанрам научной прозы. В монографии обобщается и анализируется литература по исследуемым темам, и выдвигаются, как правило, новые гипотезы, теории, концепции, способствующие развитию науки»⁶⁴.

С этой точки зрения, «Аз и Я», безусловно, является научно-исследовательской работой. Она посвящена теме тюркизмов в «Слове о полку Игореве» и тесно связанной с проблемой тюркских влияний теме взаимодействия тюркских языков с шумерским языком. В книге автор обращается к анализу литературы по данным темам, причем анализ этот выглядит как весьма и весьма критичный. Вопреки традиции, в конце исследования не приводится перечень использованной литературы, однако библиографическими указаниями снабжена каждая из частей.

Кроме того в книге выдвигается целый ряд авторских гипотез и предположений, каждая из которых в достаточной степени обоснована, хотя в ряде случаев и мыслится автором как постановка проблемы, а не как ее решение.

Однако от «традиционной» монографии книгу «Аз и Я», на наш взгляд отличают следующие ее специфические черты:

⁶⁴ Монография. Материал из Википедии – Свободной энциклопедии [Электронный ресурс] - URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Монография> (дата обращения 04.02.2017)

1) Особенности структуры исследования. В книге отсутствует Введение, которое бы включало в себя обоснование актуальности исследования, постановку цели, задач работы, характеристику ее структуры и методологической базы. Вместо этого дано предисловие «От автора», что на наш взгляд, коррелирует с названием книги, а также ее частей: «Часть 1. Аз» и «Часть 2. Я». В этом предисловии автор доверительно сообщает читателю о глубоко личном, трепетном отношении к «Слову» («Слову о полку Игореве» и человеческому «Слову» вообще).

Каждая из частей состоит из сравнительно небольших по объему эссе, неоднородных как по объему исследуемой проблематики, так и по стилю изложения. В первую часть включено 28 эссе (помимо предисловия «От автора»), а вторую – 21 эссе.

2) Особенности стиля изложения. Стиль книги достаточно далек от собственно научного, академического изложения. Его можно было бы определить как научно-популярный стиль, однако это было бы справедливо лишь для части эссе. Некоторые же из них явно тяготеют к художественному стилю, учитывая не только стихотворные включения, но и подчеркнутую исповедальность повествования. Мы имеем в виду местоимение «Я», употребляемое вместо традиционного для научного стиля «Мы». Мы также имеем в виду удивительную страстность, эмоциональность и образность изложения. Наконец, мы имеем в виду неожиданные переходы автора от объективного описания к передаче глубоко личных переживаний.

Обычно при рецензировании научно-исследовательских работ неравномерность стиля квалифицируется как недостаток, однако в случае с книгой «Аз и Я» она выглядит как сознательный прием автора. Дело в том, что Сулейменов во многом дистанцируется от академической науки, выступая против ее догматизма и предвзятости. Ср.:

«...В последние десятилетия советская «словистика» находится в состоянии динамичной статики, природа которой не в самой науке, а возле нее. Научный коллектив, говорят математики, дееспособен до тех пор, пока в нем есть некая критическая масса, то есть сумма полярных идей. Когда все сказали «да», то или тема исчерпала себя, или коллектив исчерпал свои возможности.

Незримый коллектив специалистов по «Слову» существует в нашей стране издавна. И все говорят «да». Любые попытки изменения всеобщего взгляда на биографию «Слова» вызывают немедленную анафему»⁶⁵.

Именно поэтому часто наблюдаемый в тексте книги переход от научно-популярного стиля к художественному и обратно смотрится достаточно органично, хотя и позволяет отдельным противникам точки зрения Сулейменова обвинять его в

⁶⁵ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 6

ненаучности, а его самого считать *писателем*, а не *ученым*. Стремясь возразить им, укажем, что как таковой научный стиль сам по себе не формирует науку, а всего лишь придает тексту *научообразность*. Научным же текст делает его содержание, которое либо есть, либо совершенно отсутствует безотносительно к форме изложения. Если же в этом смысле оценивать книгу «Аз и Я», то, если бы она была какой-то ненаучной фантастикой, то едва ли она вызвала бы такой резонанс в научных кругах. Ведь никто, например, из астрофизиков или историков не вступал в полемику с Реем Бредбери или братьями Стругацкими. А Олжаса Сулейменова критиковал целый сонм маститых академиков, что само по себе является показателем значимости созданной им книги.

Итак, рассмотрим в деталях ход рассуждений автора в первой части, посвященной анализу тюркизмов в «Слове о полку Игореве».

При внешней разрозненности эссе, входящих в первую часть, при их относительной независимости друг от друга, в порядке их расположения есть внутренняя логика. В основе этой логики лежит, как нам кажется, нарастающая убежденность автора в правильности избранного направления исследования.

От частных замечаний по поводу отдельных «темных мест» в тексте «Слова о полку Игореве» (например, главы «Свист звериный», «Коли сокол в линьке бывает» и др.) он переходит к характеристике содержательно-концептуальной информации в тексте слова (например, главы «Сон Святослава», «Галица или сокол?»), а затем – к максимальному обобщению роли тюркоязычных народов в культурогенезе и этногенезе Древней Руси в период до 13 века (например, главы «Кочевники и Русь. Торкины, торки», «Черные клобуки» и др.).

Основная цель книги «Аз и Я» заключается в определении в тексте «Слова» тюркских (половецких) слов и целых тюркских фраз, как сохранившихся при переписывании в XVI, так и скалькированных на русский или искажённых переписчиком. Главная мысль Сулейменова заключается в том, что автор «Слова» был билингом, вследствие чего изначально «Слово о полку Игореве» представляло собой текст, написанный на древнерусском языке, но с активным привлечением ресурсов тюркского (половецкого) языка.

Таким образом, именно тюркизмы в «Слове» становятся основным объектом исследования. Заметим, что в само понятие «тюркизм» Сулейменов вкладывает несколько иной, отличный от общепринятого, смысл. Ср.: *«Тюркизмы в русском языке — слова, заимствованные из тюркских языков в русский, древнерусский и праславянский языки в разные исторические периоды. Через посредство тюркских языков в русский (как и в западноевропейские языки) попали также и слова арабского и персидского*

происхождения, имеющие поэтому лингвистический статус тюркизмов (например, *хозяин* или заимствованные из западноевропейских языков *диван, киоск, халва*). Тюркизмами называются также слова тюркского происхождения независимо от языка-посредника. Основная масса заимствований приходится на период XVI—XVII веков»⁶⁶

У Сулейменова:

«Мы привыкли называть тюркизмами лишь те слова, что лежат на поверхности книжной речи и не прошли обкатку в народных говорах. Тюркизм - это уже русское слово, происхождение которого не всегда осознается. Названные А. И. Поповым шершавые - чага, евшан, ортыма - не тюркизмы, а просто тюркские слова, употребленные в письменности и не освоенные народом. <...> Большую часть того, что можно было получить от тюрков, славяне заимствовали до XIII века»⁶⁷.

Последнее утверждение во многом выглядит как революционное. Оно не самоочевидно, поскольку тюркизмы заимствовались не через письменную речь, а «на слух», т.е. достаточно быстро и основательно адаптировались к славянской произносительной базе. Кроме того, заимствованные тюркизмы, в отличие, например, от старославянизмов, обозначали не какие-то «высокие», сугубо книжные материи, а по преимуществу бытовые предметы и реалии. Это способствовало широкому распространению в обиходной речи и создало предпосылки для практически полной их ассимиляции в славянской речевой стихии. Доказательством тому служат многочисленные тюркизмы в современных южнорусских диалектах. Говоря иначе, по мысли Сулейменова, многие тюркизмы настолько давно проникли в русский язык и настолько в не адаптировались, что перестали осознаваться говорящими как заимствования.

Особый акцент Сулейменов делает на так называемых «невидимых тюркизмах», т.е. таких словах, которые достаточно хорошо адаптировались к произносительной базе русского языка, либо заимствованы еще в праславянскую эпоху и воспринимаются как элементы общеславянской лексики. Кроме того, условный термин «невидимый тюркизм» прилагается Сулейменовым в ряде случаев к словам в тексте «Слова», неверно воспринятым переводчиками и интерпретаторами текста. Таково, например, обращение «буй тур Всеволод», воспринятое как «буйный бык», а в действительности являющееся тюркским «буй туре» - «высокий господин», «богатырь».

Однако, будем последовательны и попытаемся разобраться в самом ходе рассуждений автора.

⁶⁶ Тюркизмы в русском языке // Материал из Википедии – свободной энциклопедии. [Электронный ресурс] URL https://ru.wikipedia.org/wiki/Тюркизмы_в_русском_языке (дата обращения: 05.02.2017)

⁶⁷ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 130-131.

Первая глава Части 1 «Аз» Озаглавлена как «К истории «Слова о полку Игореве»» автор исследует историю создания «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». Сулейменов сопоставляет многочисленные мнения сторонников идеи подлинности текста «Слова» с мнениями скептиков, считавших этот памятник позднейшей подделкой. Признавая безусловно подлинность текста «Слова», Сулейменов, тем не менее, выступает и в защиту «скептиков», полагая скептицизм (в смысле, критическое отношение к источнику) неотъемлемой частью исследовательского сознания. Трудно не согласиться с автором, считающим полемику основой развития науки. Без полемики наука угасает, превращаясь в веру, а затем – в привычку. Живых примеров подобного из области любой гуманитарной науки можно привести немало, что, на наш взгляд, является неизбежной издержкой развития любого гуманитарного знания в целом.

Тем не менее, новаторство Сулейменова в данной главе проявляется не в этом, а в формировании нового, отличного от официального, взгляда на текст и автора «Задонщины», которым признается «брянский боярин Софоний Рязанец». Однако, Сулейменов обосновано сомневается и в «брянском боярстве» Софония, и в его связи с Рязанью. По Сулейменову, Софоний-Рязанец (т.е. Софоний-скопец), монах-переписчик, скомпилировал текст, повествующий о Мамаевом побоище на Куликовом поле, беззастенчиво используя текст протографа «Слова о полку Игореве». Мы считаем, что такое мнение, хотя и не до конца убедительно, но все же имеет право быть, поскольку авторство «Задонщины» в целом по-прежнему остается вопросом дискуссионным и для «официальной» науки. Ср.:

«Традиционным считается, что автором З. был некий Софоний Рязанец: в двух списках З. он назван в заглавии автором произведения. <...> В самом тексте З. о нем сказано как о человеке по отношению к автору З. постороннем: "Аз (т. е. "я" — автор З.) же помяну резанца Софония..." На основании этого чтения З. исследователь Куликовского цикла И. Назаров еще в 1858 г. утверждал, что оно определяет Софония как предшественника автора З. В последнее время гипотеза об авторстве Софония была рассмотрена Р. П. Дмитриевой, которая пришла к выводу, что Софоний не был автором З.: "...последний ссылается на Софония как на поэта или певца своего времени, творчеству которого он склонен был подражать" ("Был ли Софоний Рязанец автором "Задонщины"? — С. 24). Видимо, Софоний был автором не дошедшего до нас еще одного поэтического произведения о Куликовской битве, поэтические образы которого повлияли на авторов и

З., и "Сказания о Мамаевом побоище". Это предположение согласуется с гипотезой акад. А. А. Шахматова о существовании несохранившегося "Слова о Мамаевом побоище"⁶⁸.

С учетом «сомнительности» авторства «Задонщины», «сомнительной» же может быть признана и фигура автора как таковая. Поэтому мнение Сулейменова, с нашей точки зрения, можно рассматривать как одну из гипотез в ряду других, хотя она и отличается предельной критичностью по отношению к мотивам и интенциям, подвигнувшим гипотетического «Софония» написать этот текст. Для Сулейменова Софоний – «монах-копиист летописей», имеющий при отсутствии таланта склонность к художественному творчеству, развившуюся за многие годы работы переписчиком в ходе редактирования старинных манускриптов⁶⁹.

Одновременно с этим, генетическая связь «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» также признается современной наукой, хотя квалифицируется она не как плагиат, а как влияние поэтической традиции. Ср.:

«Уже по характеру произведения, по сочетанию в нем плача и похвалы З. близка к "Слову о полку Игореве". Но близость эта носит не только общий характер, но самый непосредственный и в этом еще одна замечательная черта этого произведения древнерусской литературы. "Слово" явилось для автора З. образцом и на текстовом уровне. От "Слова" зависит план З., ряд поэтических образов З.— повторение поэтических образов "Слова", отдельные слова, обороты, большие отрывки текст З.»⁷⁰. Как видим, в славянской филологии утвердилось мнение, согласно которому текст «Слова» был широко известен в Древней Руси и был образцом для подражания для древнерусских книжников.

Однако невозможно не согласиться с Сулейменовым, который высказывает обоснованные сомнения по поводу широкой известности текста «Слова» в среде книжников 14 века, с учетом того факта, что оно посвящено не победе, но поражению русичей на поле брани. От себя добавим, что, на наш взгляд, «Слово» не было популярным текстом, иначе оно не было бы единственным в своем роде, а оказало бы влияние на многие произведения древнерусской литературы последующих столетий. Этого, однако, не произошло, что говорит о его «затерянности» вплоть до момента написания «Задонщины». Но и более того: оно было «затеряно» и позднее, что также

⁶⁸ Дмитриев Л.А. Задонщина // Библиографический словарь. Древнерусская литература. [Электронный ресурс]. - URL <http://old-ru.ru/bio/bio35.html>

⁶⁹ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 12

⁷⁰ Дмитриев Л.А. Задонщина // Библиографический словарь. Древнерусская литература. [Электронный ресурс]. - URL <http://old-ru.ru/bio/bio35.html>

свидетельствует в пользу мнения Сулейменова. Характерна также форма, в которой Сулейменов воспроизводит процесс создания «Задонщины». Он представлен в виде актов драмы, в финале которой: «На имеющемся запасе пергамента, предназначенном для другой работы, он начинает писать «Слово о Дмитрие Донском» («Задонщину»). Перед ним лежит великий образец. Зная наверняка, что «черная книга» будет все равно смыта (возможно, им же самим), Софоний-резанец без оглядки скальпирует ее, делает пересадки живой ткани и органов обреченного гиганта»⁷¹.

Образность и страстность изложения предельно сближают эссе Сулейменова «К истории «Слова о полку Игореве»» с художественным текстом. Что же касается интерпретации фигуры Софония, то она, как мы уже отмечали, гипотетична, и к ней Сулейменов подходит не как ученый, а как поэт, убежденный вслед за А.С. Пушкиным, что гений несовместим со злодейством.

Следовательно, перед нами – точно такой же художественный образ монаха – творческого кастрата, каким в общих чертах у Пушкина предстает образ Сальери, якобы отравившего Моцарта, в то время, как последний на самом деле умер от голода. Перед нами развернуто полотно, содержащее не историческую, но художественную правду о судьбе «Слова» - «черной книги», «смытой с пергамента» и переписанной так, как вздумалось переписчику.

Все это делает текст книги «Аз и Я» удивительно сложным, мы бы сказали, научно-художественным произведением, т.е. чем-то сродни сочинениям представителей Мусульманского Ренессанса, писавшим научные трактаты в стихах. Неслучайно Сулейменов в одном месте во второй части сравнивает себя с «чаляби»:

«Почему-то повелось: поэзия - глуповата, наука - умновата. Забыли, что стихи глупца не станут притчей. Забыли, что смыслы «ученый» и «поэт» разделились недавно. Они выражались одним словом, в Европе - артист, в Средней Азии - чаляби от позднетурецкого чаляб - бог»⁷²

Нам представляется, что главная ошибка всех ученых критиков творчества Сулейменова заключается именно в установившейся давно и навеки привычке противопоставлять научное, религиозное и художественное познание мира. Сулейменов и не претендует на звание «ученого» в подобном смысле. Он ученый-поэт, философствующий художник слова с профессиональными навыками лингвистического анализа. Он являет миру именно пример совмещения научного и художественного познания, что, может быть, не всегда и не везде приемлемо, однако совершенно не

⁷¹ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 12

⁷² Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 135

противоречит ни природе вещей, ни природе человека. Особенно полезным такой подход мог бы оказаться при исследовании гуманитарных наук, в которых эмотивный компонент мог бы оказаться уместным.

Но здесь нельзя не помнить и о том, что гуманитарное знание в последние столетия сложилось так, как оно сложилось. Оно само по себе превратилось в огромный пласт человеческой культуры, к которому также применимо выражение Сулейменова о невозможности «вырубить частицы меди из бронзы». Чрезвычайно трудно сейчас многочисленным филологам мира отказаться от ставших аксиомами постулатов сосюррианской лингвистики или от основных положений индоевропеистики. Им гораздо легче отказать Сулейменову в правоте, чем начать пересматривать результаты собственных докторских диссертаций.

Однако, обратимся вновь к тексту «Аз и Я».

В главе «Свист звериный» Сулейменов предлагает свое прочтение следующего фрагмента «Слова»: *«Тогда вьступи Игорь Князь въ златъ стремя, и поеха по чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь у буди; свистъ» зверинъ въ стазби; дивъ кличетъ врѣху древа...»*

А именно:

Тогда вьступи Игорь Князь въ златъ стремя
и поеха по чистому полю.

Солнце ему тьмою путь заступаше.

Нощь стонущи ему грозою.

Птичь убуди свистъ.

Зверин вьста зби.

Дивъ кличетъ врѣху древа...⁷³

Подчеркнем, что это прочтение – одно из немногих сулейменовских толкований, с которым согласилось ученое сообщество, ввиду его логичности, доказательности и обоснованности.

В той же степени это касается и попытки прояснить значение темного места, повествующего об умирающем Изяславе. В главе «Изяслав на кровати» Сулейменов в достаточно саркастической форме критикует прежние переводы и прочтения, фактически приписывающие Изяславу невероятную гендерную активность, проявившуюся в самый разгар битвы. Курьезность и фантазмагоричность создаваемой мусин-пушкинским прочтением картины, побуждает Сулейменова искать причины ее литературной и

⁷³ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 18.

грамматической недостаточности. С выводами Сулейменова оказалось трудно не согласиться даже авторам «Энциклопедии «Слова о полку Игореве»».⁷⁴

В главе «Под трубами спеленуты» прояснен смысл выражения «*А мои ти Куряни сведоми къмети, подъ трубами повити, подъ шелома възлелеяны, конецъ копия възскръмлени...*». На основании литературоведческого анализа текста в целом и этимологического анализа слова «повити» Сулейменовым установлена семантика последнего как «рождены».

В главе «Коли сокол в линьке бывает» разъяснен смысл выражения «в мытехъ» в следующем фрагменте:

А чи диво ся, братие, стару помолодити?
Коли соколь въ мытехъ бываетъ,
высоко птиць възбиваетъ;
не дасть гнезда своего въ обиду.

Сулейменов напоминает о том, что в древнерусском письме число обозначалось буквой с титлом. Соответственно, букве «веди» - В – по глаголической системе присваивалось числовое значение 3. Вероятно, первоначальный текст выглядел так: "Коли соколь В мытей бываетъ,..". По мнению Сулейменова, "титло" на буквой «веди» был незамечен, и переписчик добавил букву «ер» - Ъ, заменив "в мытей" на "въ мытехъ" для грамматического согласования... С учетом сказанного "темное" место нужно понимать так: «Коли соколь мытей бываетъ, высоко птиць възбиваетъ, не дасть гнезда своего въ обиду», т.е. "Коли сокол 3 линек бываетъ,..". (т.е. трижды перелинявший - в расцвете сил).

В главе «Повелея отца своего» Сулейменов рассматривает еще одно «темное место»: «Святоплъкъ повелея отца своего между Угорьскими иноходьцы ко святей Софии къ Киеву». Отметая предлагаемый другими интерпретаторами вариант «полелея», Сулейменов вполне обоснованно, на наш взгляд, предлагает следующую реконструкцию: «Святоплъкъ повелекъ отца своего между Угорьскими иноходьцы...». Т.е. Святополк «повез (поволок) убитого тестя своего Туграхана на волокуше - носилках между венгерскими иноходцами. Такой способ транспортировки убитых и раненых был принят в степи до недавнего времени»⁷⁵.

⁷⁴ Бобров А.Г. СУЛЕЙМЕНОВ О. // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» [Электронный ресурс]. - URL <http://feb-web.ru/feb/slovinc/es/es5/es5-0831.htm> (дата обращения: 05.02.2017)

⁷⁵ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 28.

В главе «Неувиденный переводчик» Сулейменовым высказывается уже более принципиальное мнение, по которому переписчик 16 века, имея на руках протограф «Слова о полку Игореве» столкнулся с проблемой доведения до сознания современного ему читателя многочисленных тюркизмов, имевших широкое хождение в 12 веке и в изобилии встречавшихся в тексте протографа. Именно переводчик 16 века, по мнению Сулейменова, изъял из текста протографа значительное количество тюркизмов, заменив их русскими эквивалентами, причем в ряде случаев неадекватными смыслу.

Сулейменов выделяет три уровня постижения переводчиками содержания переводимого текста. Заметим, что это соотносится с установившимся в текстологии представлении о трех видах информации в тексте: содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая информация.

На первом уровне, т.е. на уровне содержательно-фактуальной информации, переводчик достигает дословного понимания текста. Этот уровень, по Сулейменову, не требует от переводчика ничего, кроме знания языка и постоянной переводческой практики. На этапе передачи информации этого уровня возникают так называемые омонимические ошибки, т.е. неверный выбор значения полисеманта, смешение омонимов, омографов, омофонов и паронимов, а также замена иноязычного слова сходно звучащим словом родного языка. Возможны также ошибки из-за верного понимания контекста, а именно связанное с незнанием или неверным пониманием реалий ошибочное включение слова в контекст произведения, либо неверное помещение слова-концепта в систему авторских взглядов. Последнее связано с непониманием авторского замысла, т.е. содержательно-концептуальной информации текста.

На второй ступени происходит проникновение в содержательно-концептуальную информацию текста. При правильном прочтении читатель постигает стилистические факторы языкового выражения, т. е. настроение, ироническую или трагическую окраску, наступательный тон или склонность к сухой констатации и пр. При неверном прочтении тон повествования может деформироваться и даже заменяться на диаметрально противоположный по характеру своих коннотаций.

На третьей ступени, как это можно вывести из рассуждений Сулейменова, переводчик на основе понимания содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации постигает художественные единства в тексте, т.е. создаваемую в нем художественную действительность, систему тем, идей и образов.⁷⁶

⁷⁶ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 30.

Однако во многом именно благодаря «ошибкам» переводчика 16 века в «Слове» все же сохранились некоторые тюркизмы, точнее, те из них, которые были им не поняты или приняты за русские слова-омонимы.

Заметим, что именно эта гипотеза Сулейменова – о том, что автор протографа был двуязычным, свободно переходившим с русского языка на один из тюркских диалектов, – послужила основным поводом для критики Сулейменова со стороны ученого сообщества во второй половине 1970-х гг. и позднее. На наш взгляд, точка зрения Сулейменова вполне правдоподобна, т.к. подобная картина, когда автор-билингв пишет для читателей-билингвов, свободно переходя с одного языка на другой, в мировой литературе не является редкостью. Здесь можно привести в качестве примера роман Л. Толстого «Война и мир», включающий в себя целые диалоги на французском языке, даваемые без авторского подстрочника. Или, роман А. Серафимовича «Железный поток», который написан, по сути говоря, на смеси русского и украинского языков и также не снабжен авторскими пояснениями. Из числа древнерусских памятников вновь можно привести в качестве примера упоминавшийся в предыдущем параграфе настоящего исследования текст «Хождения за три моря» Афанасия Никитина. Так почему бы не допустить, что и «Слово о полку» было изначально рассчитано на двуязычную аудиторию, отражая реальную языковую ситуацию в ряде древнерусских городов 12 века? Очевидно, что причина неприятия мыслей Сулейменова в период выхода книги в свет находилась в идеологической плоскости.

Л. Фризман об этом пишет:

«Сам факт, что попытки нового толкования неясных, “темных” мест “Слова”, исправления отдельных написаний в нем, пересмотра влияния тюркского элемента на язык памятника и т.п. вызвали сомнения и возражения, разумеется, вполне естествен. Но дело в том, что выход “Аз и Я” вызвал не научную полемику вокруг книги, а идеологическую травлю ее автора»⁷⁷.

Здесь трудно не согласиться с автором, поскольку иные из «критиков» Сулейменова вменяли ему в вину, как это ни странно звучит, сионизм (!!!), на том основании, что Сулейменов, утверждая, что современная наука наследует многие из неверных установок христианства, ислама и буддизма, не упоминает иудаизма. Дословно цитировать столь бредовые мысли с указанием фамилий породивших их авторов считаем излишним.

⁷⁷ Фризман Л. Возмутитель спокойствия. Книга О. Сулейменова «Аз и Я» под огнем идеологической критики // Новое литературное обозрение. – 2002. - № 55. [Электронный ресурс] - URL <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/55/friz.html>

В главе «Невидимые тюркизмы» представлен целый ряд чрезвычайно интересных наблюдений над словами и выражениями тюркского происхождения. В их ряду особое место занимают семантические кальки типа «злат стол», «осмомысл» и др.

Авторство некоторых из этих калек Сулейменов приписывает переписчику (переводчику) 16 века, о других говорит как о бытовавших в Киевской Руси и «не создававших завихрений в контексте». Так, «злат стол» - княжеский престол (алтын такта), «беля» - серебряная монета («акша»). Ср.:

«К числу неувиденных Переписчиком тюркизмов я отношу прозвище Всеволода - буйтур. Летописи благосклонно отзываются об этом князе, отмечая его воинскую доблесть и мужество. В «Слове» описанию его ратных подвигов уделено немало места. Видимо, неслучайно Автор называет Всеволода «буйтуром». Это находка для тюркологов, мечтающих понять этимологию слова батыр (батур, боотур, богатур, богатырь)»⁷⁸.

Сулейменов считает, что «Слово» является единственным памятником, в тексте которого нашел отражение это определение знатного воина (буй-туре - буквально «высокий господин»). В главе «Буйные» он развивает эту мысль.

Элемент «буй» вопреки устоявшимся традициям его перевода как усеченного варианта прилагательного «буйный», т.е. «ярый», «дикий», а также мусин-пушкинскому «буй» + «вол» = «буйвол», дикий бык, настойчиво определяется Сулейменовым как тюркизм. Он Усматривается также в устойчивом словосочетании «Аты буй», т.е. «именитый», «высоко именной» в обращениях, реконструируемых Сулейменовым:

...Аты буй Рюриче и Давиде!

...Аты буй Романе и Мстиславе!

Вместо принятого:

...Ты буйный Рюрик и Давид!

...А ты буйный Роман и Мстислав!

Заметим, что обращение здесь отнесено более чем к одному лицу, и уместнее было бы местоимение «вы». Поэтому версия Сулейменов выглядит более чем правдоподобно.

Чрезвычайно интересным является наблюдение над словом «осмомысл», которое в принятых переводах понимается как «восьмимысленный», применяемое как эпитет Ярослава. Согласно этой версии, Ярослав определяется как крупный государственный деятель, известный своим красноречием, т.е. очевидно, способный мыслить широко – о восьми предметах одновременно, либо заботиться о восьми государственных делах. Безусловно, такое объяснение выглядит несколько громоздко.

Сулейменов же предлагает гораздо более изящное объяснение:

⁷⁸ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 33.

«...В казахском эпосе, если хотят высоко представить джигита, всесторонне развитого, умелого и в бою, и в любви, в искусстве, в труде, в красноречии и науках, то называют его «Сегіз кырлы». Эпитет буквально переводится современным русским словарем «Восьмиугольный» или «Восьмигранный». Древнерусским языком перевелось бы - «Осмомыслый или .в форме краткого прилагательного «Осмомысль».

Проверим: «Осьм» - восемь (древнерусский и старославянский), мыс - угол, грань (древнерусский и старославянский), ль - суффикс краткого прилагательного. Чистая калька»⁷⁹.

Глава «До куриц Тмутараканя» Сулейменов рассматривает встречающееся в «Слове» выражение, согласно которому Всеслав «изъ Киева дорискаше до куръ Тмутороканя». Эта глава – одна из наиболее кратких в книге. Сулейменов коротко и весьма убедительно соотносит лихачевских «куриц» и «петухов» с тюркизмом «кура» - «стена». Весьма эмоциональный комментарий этого фрагмента книги «Аз и Я» встречается в эссе известного публициста, поэта и правозащитника Е.Д. Федюнькина «Склока о полку Игореве»⁸⁰

Глава «Птица горазда» проливает свет на еще одно «темное место» в «Слове»:

*Ни хытру, ни горазду,
ни птицю горазду
суда Божіа не минути.*

Выражение «птица горазда» вызывало закономерное недоумение у переводчиков и комментаторов «Слова». Сулейменов усматривает в этом выражении указание на петуха: «Тюрки сохранили петуха - кораз, гораз, гаруз, кураз, каруз, хорус и т. п. Славянские формы, вероятно, были также разнообразны. В «Слове» упоминается бог солнца - «Хорс», думаю, он имел отношение к петуху «хоросу»⁸¹.

Заметим, что источники по славянской мифологии именно так определяют значение петуха в дохристианских славянских верованиях, отмечая существовавший у древних славян культ петуха, как птицы, имеющей симпатические связи с солнцем⁸². Петух у славян был символом огненной стихии и напрямую связывался с Солнцем, а следовательно и с божествами солнца - Дажьбогом и Хорсом.

Что же касается «суда божьего» для петуха, то здесь отражена имевшая место в Древней Руси борьба христианства со славянским язычеством. Петух, соответственно,

⁷⁹ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 33.

⁸⁰ Федюнькин Е.Д. Склока о полку Игореве [Электронный ресурс] – URL: [http://www.info.jinr.ru/~bljv/igor.htm#Курицы Тмуторокани](http://www.info.jinr.ru/~bljv/igor.htm#Курицы_Тмуторокани) (дата обращения: 05.02.2017).

⁸¹ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 35

⁸² Петух в славянской мифологии // Сайт «История Древнего мира» [Электронный ресурс]. - URL: <http://web-kapiche.ru/582-petuh-v-slavyanskoj-mifologii.html> (дата обращения: 05.02.2017)

олицетворяя языческого бога Хорса, становится демоническим существом и потому удостоивается христианскими книжниками Божьего суда.

В главе «Сон Святослава» раскрывается символика «сна Святослава», трактуемая окружающими его боярами: «А Святъславъ мутень сонъ виде. «В Кіеве на горахъ си ночь съ вечера одевахъте мя, - рече, - чръною паполомою на кровати тисове; чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смешено, съсахуть ми тьщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгъ на лоно и негують мя. Уже дьскы безъ кнеса вмоемъ тереме златовръсемъ. Всю ночь съ вечера босуви врани възграяху у Плесньска на болони беша дебръ Кисаню и несошлю къ синему морю»⁸³.

Подчеркнем, что никому до Олжаса Сулейменова не приходило в голову, что сон Святослава есть не что иное как описание приготовлений к погребальному обряду по тенгрианскому обычаю. Как «сын Неба» князь должен был быть облачен в черное, а после сожжен. Во «сне» мы видим лишь приготовления к акту сожжения – покрытие «чръною паполомою». Однако это описание изобилует «темными местами», которые суть тюркизмы. Если следовать Сулейменову, то Святослав «думает» по-половецки, а говорит на смеси русского и половецкого. Более того, его окружение прекрасно разбирается и в «темных речениях» Святослава о деталях сна и в символике его событий. Это говорит о том, что бояре также были двуязычны, и их ментальный код содержал тюркские концепты наряду с собственно славянскими. Все это неудивительно, учитывая кровное родство древнерусской знати с половецкими ханами (мать Святослава - половчанка).

В контексте этих рассуждений Сулейменов предлагает свое толкование целого ряда понятий. В их числе, «синее вино с трудом смешанное», которое, очевидно, предстает как «зелено вино» (например, узбекское «кўк» означает и синий, и зеленый), смешанное с «трудою», т.е. с осадком («турта» - осадок, подонки (чагатайское). Либо, по-другому, с учетом того, что в тюркских языках игристым напиткам может присваиваться эпитет *шаян, саян* «синее вино» можно трактовать как игристое, и тогда становится понятным, почему оно смешанно с осадком.

Кроме того «тьщие тулы поганыхъ тльковинъ» есть, вопреки традиционным прочтениям не «тощие колчаны половец», а «тощие вдовы язычников», т.е., очевидно, половец, погибших в столкновении с дружиной Игоря. *Тул* - вдова (общетюркское). Еще один невидимый тюркизм.

Далее, выражение «Дьскы безъ кнеса» Сулейменов трактует как идиоматическое выражение - «престол без князя». Эта трактовка нам представляется достаточно сомнительной, поскольку зиждется на предположении о существовании у некоего

⁸³ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 44.

известного узкому кругу лиц, окружающего Киевского князя, дипломатического словаря. Заметим, что судить о подобном «придворном аргю» 12 века сегодня достаточно затруднительно. Ср.:

«Здесь не место подвергать анализу все термины, входящие в систему обозначения государственных понятий. Не все слова занимают в этой системе одинаковое место. Одни из них являются основными терминами группы, составляя костяк государственной лексики («князь», «великий князь», «стол», «злат стол», «боярин»), другие выступают лишь ситуативно в качестве заместителей общепринятых терминов («когань», «блъван», «буйтур», «были» и пр.). В Киеве XII века, вероятно, сложилась политическая ситуация, при которой лексикон боярский мог пополниться западнославянскими терминами в узко специальных значениях: «дьскы» - киевский престол, «кнес» - великий князь киевский. Я предполагаю, что фразеологизм этот был представлен в самом тайном разделе боярского дипломатического словаря. Нам известна важная часть этого лексикона: «вся Русская земля и Черные клобуки хотят тебя»⁸⁴.

Выражение «дебрь Кисани», трактуется исследователями чрезвычайно разнообразно. Сулейменов же усматривает в нем тюркизм, который переводит как «железные путы, кандалы», что весьма убедительно обосновывает как существованием лексических соответствий в различных тюркских языках, так и указанием на реально представленный в тексте семантический ряд. Это выражение в тексте «Слова» Сулейменов соотносит с современным казахском «темір кісен» и крымско-татарским «дамір кісан»⁸⁵. В этом же отрывке встречается еще одно темное место: «бусовы врани», интерпретируемое как «серые вороны», в то время как это «босурмане».

Вообще же Сулейменов реконструирует целую тюркскую фразу: «босоврамне... плеснь скана болони беша дебрь кисан юин ес ошлюксин». См. рис. 2.3:

⁸⁴ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 44.

⁸⁵ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 48.

Святѣславъ (ю) мутенѣсонѣ
 видѣти въ Кіевѣ на горахѣ си
 ногѣ съ вѣтера одѣвахѣте
 мя, рече, трѣбною палоло-
 мою, на кровати тисовѣ.
 Чрѣлахуть ми синее вино
 съ трудомѣ смѣшено; сы-
 пахутьми тѣщи ми тулы
 логаныхѣ тѣковинѣ вели-
 кый жемчуги на лоно, и
 нѣгуютъ мя; уже дѣскы
 безѣ кнѣса вмогѣ теремѣ
 златоверѣмѣ. Всю нощь
съ вѣтера босуви врани
възгряху, у Пѣсньска (я)
на болони (ѳ) бѣша дѣбри Ки-

худой сонѣ привидѣлся:
 „на горахѣ Кіевскихѣ въ
 ночь сию съ вечера одѣвали
 вы меня (онѣ Волярамѣ
 рассказывалѣ) чернымѣ по-
 кровомѣ на песовой кровати;
 подносили мнѣ синее вино
 съ ядомѣ смѣшанное; сыпа-
 ли изѣ пустыхѣ колчановѣ
 на лоно мое крупный жем-
 чугѣ въ нечистыхѣ ракови-
 нахѣ, и меня нѣжили. На
 златоверхомѣ моемѣ теремѣ
 будпобѣ всѣ доски безѣ верх-
 ней перекладыны; будпобѣ
 во всю ночь съ вечера до стѣ-
 пѣ вороны каркали, усѣвшись
 у Пѣсньска на выгонѣ въ дѣбри

- (ю) Великий Князь Святославъ III, сынъ Всеволода II, обладавшій
 Кіевомѣ во время случившагося съ Княземъ Игоремъ нещастія.
 (л) Городѣ Галичскаго Княженія, смежный съ Владимірскимѣ на Во-
 лыниѣ — *Татищ.* Часть III, стр. 287 и 288.
 (ѳ) Болониѣ въ критич. примѣч. на 2-мъ Томѣ Исторіи Кн. Щербаче-
 шова на стр. 194 и 195 извѣщаетъ: „Болонѣ значить порожье

Рис. 2.3. Факсимиле 23 стр. издания «Слова» 1800

в переводе А.И. Мусина-Пушкина⁸⁶

⁸⁶ Черным маркером выделено нами. Источник иллюстрации: Сайт «Слово о полку Игореве» URL: http://slovoopolku.ru/1800_1/

Ход рассуждений исследователя следующий: «Думаю, что в оригинальном тексте были следующие комбинации букв: «босоврамне... плеснь скана болони беша дебръ кисан юин ес ошлюксин». П-16 выделяет похожее на русские слова «болони», «дебръ» и «несош люк син...». Последнее сочетание показалось ему оборванным. Он дописывает очевидное «...ему морю». Таким образом, получает приблизительный смысл «и несет луке синему морю». Значение всей фразы рассыпается, но каждое слово в отдельности ему почти понятно: его задача добыть «местный» смысл. Может быть, в угоду этому «местному» смыслу были заменены и некоторые буквы. Например, в «топониме» - «Плесньск». Тюркский текст, пройдя сквозь строй переписчиков (П-16 и П-18), едва ли мог сохраниться в доподлинности, но и то, что уцелело поддается прочтению, «...бусурмане: «знаешь, как вернуть разум?» Пять железных пут омой - (инес) мстливый ты...»⁸⁷

Действительно, лишь знание одного из тюркских языков с огузской основой (например, узбекского) позволяет «благонамеренному читателю» согласиться с Сулейменовым. Большинство же толкователей «Слова» при всей своей громадной эрудиции не в силах осознать очевидного. Именно поэтому «Сон Святослава» - по-прежнему остается скоплением «темных мест», хотя это не мешает этому фрагменту оставаться одним из наиболее «сильных» эпизодов во всей древнерусской литературе.

В той же главе Сулейменов предлагает свое толкование загадочных «готских дев» и «времени Бусова».

«Готские девы», по мнению Сулейменова, возникли в результате того, что переписчик 16 века прокомментировал слово «дивь», предпослав ему выражение «се бог отский». На рисунке 2.3. приведено факсимиле страницы первого издания «Слова о полку Игореве». Обращает на себя подстрочный комментарий А. Мусина-Пушкина, в котором он недоумевает по поводу глубокой заинтересованности «готских дев» в победе половцев над русскими. Тем не менее:

«Переписчик XVIII века (Мусин-Пушкин) не узнает дописку переписчика 16 века, вставляет ее в текст и разбивает по-своему: *Се бо Готскія красныя девы въспеша на брези синему морю...* Так появились знаменитые готские девы. Переписчик 16 века едва ли мог сам придумать «готских дев»: он этнонима такого попросту знать не мог. Но просвещенному переписчику Мусину-Пушкину готы были знакомы»⁸⁸

На наш взгляд, такое толкование более чем правдоподобно, т.к. оно вполне согласуется и с логикой, и с исторической действительностью.

⁸⁷ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 47

⁸⁸ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 51.

Темно бо бѣ въ ꙗ́ день :
 два солнца померкоста ,
 оба багряная стлѣла пога-
 соста , и съ нимѣ моло-
 дая мѣсяца , Олегѣ и
 Святѣславѣ тѣмою ся пово-
 локоста . На рѣцѣ на Ка-
 ялѣ тѣма свѣтѣ покрывла :
 по Руской земли прост-
 рошася Половци , аки пар-
 дуже гнѣздо , и въ морѣ
 погрузиста , и великое
 буйство подасть Хинови .
 Уже снесся хула на хва-
 лу ; уже тресну нужда
 на волю ; уже врѣжеса дивъ
 на землю . Съ бо Готскія
(а) красныя дѣвы въслѣ-
ша на брезѣ синему мо-
рю . Звоня Рускымѣ зла-
томѣ , поютѣ время Бу-

Темно спало на претій день :
 два солнца померкли , оба ба-
 гряные сполпа погасли , а съ
 ними и молодые мѣсяцы , Олегѣ
 и Святославѣ , поврачилися .
 На рѣкѣ Каялѣ свѣтѣ въ
 тѣму преврапилися ; разсыпа-
 лись Половцы по Русской зе-
 млѣ , какѣ леопарды изъ ло-
 товища вышедшіе ; погрузили
 въ безднѣ силу Русскую и
 придали Хану ихѣ великое
 буйство . Уже хула превзо-
 шла хвалу ; уже насилѣ
 воспало на вольность ;
 уже филинѣ спустился на
 землю . Раздаются пѣсни
 Готфскихѣ красныхѣ дѣвицѣ
 по берегамѣ моря синяго .
 Звоня Русскимѣ золошомѣ ,
 воспѣвають онѣ времена Бу-

(а) По какой связи сія одержанная Половцами побѣда могла до-
 ставити Готфскимѣ дѣвамѣ . Русское золото , сообразити не
 возможно .

Рис. 2.4. Факсимиле 25 стр. издания «Слова» 1800

в переводе А.И. Мусина-Пушкина⁸⁹

⁸⁹ Черным маркером выделено нами. Источник иллюстрации: Сайт «Слово о полку Игореве» URL: http://slovoopolku.ru/1800_1/

На той же и последующей страницах появилось и «время Бусово». В связи с этим Сулейменов делает достаточно смелое предположение об инверсии частей слова «босовране»:

«Наткнувшись снова на «босовран», П-16 отчаивается совершенно. <...> Он делает вторую попытку освоить термин и превращает его в сочетание - «босуви время», что довольно приятно согласуется с текстом. Возвращаться и переосмысливать предыдущий пример употребления этого, наконец, понятого выражения уже невозможно, П-16 примиряется и идет на подлог: чтобы не возникло ненужных параллелей «бусово время» и «босуви врани», он инверсирует последнее свое «открытие» и видоизменяет огласовку - «время бусово»⁹⁰.

«Бусово время», точнее, его защита в научно-исследовательских работах, на наш взгляд, являются следствием искаженного восприятия как времени, так и пространства. Предполагая, что Бус – это Бож, антский князь, живший в 4 века н.э., в 375 году побежденный и казненный готским королем Виннитаром, исследователи, мягко говоря, преувеличивают возможности исторического сознания средневековых книжников. Действительно, очень трудно себе представить, чтобы русичи 12 века чтити память неудачливого князя, жившего за восемь веков до них, да к тому же необязательно славянского.

Однако по-настоящему «крамольной», вызвавшей великодержавный гнев советских академиков, оказалась глава «Недоумения», в которой автор выражает и обосновывает сомнения по поводу героической сущности князя Игоря.

««Слово» - старая, ветшанная картина, изображающая реалии XII века, была реставрирована и подкрашен. Второй этап реставрации «Слово» пережило в XVIII веке. Слои цветной штукатурки покрывают оригинал. Задача исследователя не добавлять красок, а снимать следы кисти позднейшей, добираться до протографа. И в конце работы может выясниться, что икона-то висит на стенке неверно, и изображен на ней не бог Игорь, а живой человек с дьявольскими чертами»⁹¹.

Следует пояснить, что официальная русская историография, берущая свое начало в работах не столько В.Н. Татищева, сколько Н.М. Карамзина, всегда представляла собой обоснование имперских амбиций русских владык. При этом советский период, с его идеей Мировой революции, как это принято говорить, далеко от Российской империи не ушел.

⁹⁰ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 51

⁹¹ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 57-58.

Безусловно, идеологическая окраска, приданная образу князя Игоря в 18 веке не утратила в целом своей важности и в 1970-е годы, когда в свет вышла книга «Аз и Я». История в этом случае была написана так, как это было необходимо. Это, вообще говоря, является характерной особенностью истории как науки: она часто поступает таким параметром, как достоверность, превращаясь в той или иной степени в миф, призванный объяснить либо обосновать право одних людей властвовать над другими. И дело здесь даже не в сакраментальной фразе о том, что «историю пишут победители», а в том, что ее пишут люди. Людям же свойственно заблуждаться по разным причинам. В одних случаях их заставляют заблуждаться, а в других они сами с радостью заблуждаются.

Большинство русских читателей предпочитает не замечать, что Игорь ведет не оборонительную, а захватническую войну. Воины Игоря и буй тура Всеволода не защищают отчий дом, а откровенно «ищут себе чести, а князю - славы». Они «тащат красных девок половецких», а читатель совершенно невинно не задумывается о том, откуда в половецком войске взялись «красные девки». Т.е. ему не приходит в голову, что первая победоносная битва русских с половцами является не столкновением с армией противника, а всего лишь грабительским налетом на незащищенное кочевье. Всего этого предпочитает не замечать сознание, привыкшее к мысли о том, что это именно дикие степняки регулярно грабили и разоряли русские города, угоняя в рабство беззащитных славян. «Своих» всегда жалко, а «чужим» - так и надо! Вот такая вот бесхитростная, первобытная философия.

Кстати, мысль о том, что «нас» всегда обижают, а «мы» всегда всех всего лишь наказываем за агрессию, все же приходит всем титульным народам империй не сама по себе. Ее целенаправленно воспитывают учебники по отечественной истории. Всегда и везде.

Заметим по этому поводу, что так называемое стихийное народное сознание бывает на удивление примитивно. В него с величайшим трудом проникают, например, христианские концепты добра и любви к ближнему. Ксенофобия же никем не воспитывается, она есть, так сказать, от природы у всех людей на земле, и в этом смысле русские ничем не хуже и не лучше кого бы то ни было. Люди как люди.

Миф о том, что в стихийном народном сознании заключено только хорошее, т.е. то, что называется общечеловеческими ценностями, на наш взгляд, происходит из-за неправомерного его отождествления с фольклорной картиной мира. На самом же деле стихийное народное сознание, силящееся освоить исторические процессы, как в ретроспективе, так и в момент их развертывания, проста и однозначно бесхитростна, если не сказать однозначна. И это свойство в целом не знает исключений, затрагивая как

первобытные народы, так весьма цивилизованные общества. Достаточно вспомнить, например, печально известного Савонаролу, по внушению которого просвещенные флорентинцы крушили и проклинали свою историю и культуру.

Фольклорная же картина мира всегда является результатом многовековой обработки и складывается отнюдь не стихийно, т.к. подчинена целому ряду закономерностей (например, правилам фольклорной поэтики).

Возвращаясь к Игорю как персоналии русской истории, необходимо подчеркнуть, следующее. Как нам кажется, его образ в летописях создавался под непосредственным влиянием христианской концептосферы, в которой, как известно, существенное место занимает культ мученичества. Для монахов-летописцев Игорь – совершивший ошибку грешник, наказанный за свои злодеяния и «раскаявшийся», своей кровью и муками (?) в плену искупивший свои грехи. Именно это заставляет летописцев слегка приглушить пафос при его порицании. Что же касается его восприятия автором протографа «Слова», то на самом деле его достаточно сложно реконструировать. Тем не менее, Сулейменов пытается это сделать и, на наш взгляд, не без успеха.

Вскрывая противоречия в оценках действий Игоря, представленных в разных участках текста, Сулейменов выделяет две сосуществующие и противоречащие друг другу в тексте стратегии авторской оценки этого героя. Ср.:

«Представим схематически идейный сюжет памятника по тому списку, который в наличии.

- «Слово» осуждает Игоря, начавшего несправедливую войну.
- Радует первой победе.
- Жалеет воинство Игоря, потерпевшего поражение во второй битве.
- Оплакивает русскую землю, на которую вызвано ответное нашествие половцев.
- Призывает князей устами Святослава Всеволодича встать на защиту родины.
- Осуждает былые распри и сегодняшние которы.
- Восхваляет Игоря, его князей и дружину за победу над погаными»⁹².

На основе этого сопоставления Сулейменов приходит к пониманию того факта, что в тексте представлены две различные интенции по отношению к главному герою и к описываемым событиям в целом. Одна из них (критическая) принадлежит автору протографа 12 века. Другая же, отмеченная восторженным пафосом, принадлежит фактическому соавтору, переписчику (переводчику) 16 века.

⁹² Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 57.

Такой вывод может казаться не вполне очевидным, что, собственно говоря, и продемонстрировало научное сообщество. Однако нельзя не признать того, что неприятие высказываний Сулейменова лежало прежде всего в идеологической плоскости.

Тем не менее, точка зрения Сулейменова кажется достаточно убедительной, т.к. он рассматривает не только собственно текст, но и анализирует исторический контекст описываемых в нем событий, приходя к заключению, что поход Игоря не был вызван какой-то жизненной необходимостью. Никакой экзистенциальной угрозы ему и его княжеству половцы на тот момент не представляли. Напротив, незадолго до похода Игорь и Кончак были союзниками. Следовательно, поход Игоря был ничем иным, как военной авантюрой, которую он пытался провести в нарушение союзнических обязательств по отношению к половцам и подставляя под удар киевского князя Святослава. На этом неблагоприятные поступки Игоря не заканчиваются. Он бежит из плена, оставив там брата, сына и племянника. Сулейменов по этому поводу пишет:

«Страшный враг, ужас и проклятие Руси» (5) - не половцы даже, а скорее князья, подобные Игорю. Это они «несут розно русскую землю», кричат летописи. Это они приводят половцев или провоцируют их набеги. Ученые, оправдывая Игоря, еще более усложняют обстановку, сложившуюся вокруг «Слова»⁹³.

Таким образом, «дьявольские черты» Игоря экстраполируются Сулейменовым на всю общественно-политическую систему Древней Руси эпохи феодальной раздробленности, т.е. накануне татаро-монгольского нашествия. Самым убедительным доказательством его правоты служат все последующие исторические события, связанные с «погибелью Русской земли» от Батыевых орд, когда русским владыкам не хватило именно сплоченности и политической дальновидности.

В главе «Была ли Дева?» рассматривается целый ряд других «темных мест» «Слова», однако наиболее интересным, на наш взгляд, является наблюдение над образами лебедя и сокола. Основываясь как на тексте «Слова», так и на фактах казахского языка, Сулейменов утверждает, что лебедь считался тотемом у тюрков. Так, даже этнонимы «казах» и «казак» восходят к тюркскому *каз ак*, т.е. «гусь белый». Именно поэтому все «лебединые» мотивы в «Слове» тематически относятся к половцам. Так, половецкие телеги кричат в полночи, «словно лебеди встревоженные», половецкая обида взмахивает лебедиными крылами.

«Гуси и лебеди - отрицательные образы древнерусского фольклора и письменности. Если русских в поэзии обозначают - соколы, то степняков - гуси и лебеди.

⁹³ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 66.

В «Задонщине»: «Тогда гуси возгоготаша на речки на Мечи, лебеди крылы всплескаша. Ни гуси возгоготаша, во поганый Мамай на Русскую землю пришел, а выводы своя привел». (Список И-1). «Уже бо те соколы и кречеты за Дон борзо перелетели и ударилися о многие стада лебединые. То ти наехали русские князи на силу татарскую»⁹⁴

В главе «Браки» Сулейменов разрушает множество стереотипных представлений о взаимоотношениях древнерусских княжеств со Степью. По результатам изучения школьного курса русской истории у любого среднестатистического человека возникает представление о непрерывной череде войн, в ходе которых древнерусские княжества отражали нескончаемые набеги степняков. Иных же отношений с Диким полем не предполагалось.

Мы убеждены, что подобные стереотипы сформированы под влиянием представлений о монголо-татарском иге, причем сознание большинства наших современников не делает особой разницы между ордынцами и половцами. Вследствие этого, оно не делает разницы и между эпохами. Поэтому возникает некий в корне неверный и диалектически противоречивый собирательный образ степняка-завоевателя, врага славянского мира и христианства, в котором воедино собрались явления на самом деле противоположные. Заметим только, что монгольские орды Чингисхана и Батыя в первую очередь разделились с половцами, а уж затем переключились на Русь.

Нам представляется чрезвычайно важным проводить четкую грань между многоликим тюркским миром раннего Средневековья и миром Золотой Орды.

Сулейменов указывает на тот факт, что династические браки древнерусских князей с половецкими принцессами были нормой вплоть до конца 12 века. Это, естественно не могло не отразиться на характере взаимоотношений с Полем и выразилось в постоянном культурном взаимодействии. Следовательно, устойчивое представление о непрекращающейся вражде русичей и половцев не соответствует исторической правде. Это, в свою очередь создало предпосылки для интенсивного проникновения тюркизмов всех типов в русский язык, и этим объясняется их обилие не только в тексте «Слова», но и вообще в русском языке той поры. Многие из тюркизмов, заимствованных в эпоху «дипломатических браков», были ассимилированы к русской произносительной базе и сохранились до наших дней.

Заметим, что изложенные выше взгляды Сулейменова были гласно и негласно восприняты официальной наукой, хотя большинство из авторов предпочитало, развивая идеи Сулейменова, совершенно не упоминать его имени или же упоминать, но

⁹⁴ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 66.

исключительно для критических замечаний. Так, например, Н.А. Баскаков в 1978 году (т.е. спустя три года после выхода в свет книги «Аз и Я»), не считая себя обязанным ссылаться на Сулейменова, делает для общественности следующее заявление:

«Исследователи-ориенталисты единодушно признают, что тюркизмы «Слова» относятся к заимствованиям из тюркских языков домонгольского периода, а по своей фонетике и грамматическому оформлению — к огузо-кипчакскому типу с некоторыми отзвуками болгарской фонетики, что объясняется последовательными волнами миграции тюркских народов в Восточной Европе. <...> Проникновение элементов тюркского фольклора с его мифологией, поэтикой, переживанием тотемических представлений прослеживается на протяжении всей поэмы. Автор «Слова о полку Игореве» видит после сражения поле битвы, которое «птицы крылами приодели, а звери кровь полизали», слышит, как «крычат телеги полунощи, рцы лебеди распужены», т. е. употребляет образы и сравнения, характерные для половцев, тотемом которых, судя по их названию, был лебедь (qıtan < qıu = «лебедь» и =tan — аффикс, образующий название предмета по производной основе, что соответствует русскому суффиксу =анин — «лебединин»)»⁹⁵.

Вероятно, все читатели статьи должны подумать, что эти и все последующие совпадения мнений Баскакова и Сулейменова есть не что иное, как случайность. А чтобы все так и решили, ниже по тексту автор обрушивается на книгу «Аз и Я» с критикой «ложных» этимологий Сулейменова:

«Так О. Сулейменов (*Сулейменов Олжас. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1975*) почему-то хочет видеть тюркизмы в следующих словах и выражениях: *оксамиты* (<греч. examitos, М. Фасмер, I, 66); *крамола* (<индоевроп. karmula, М. Фасмер, II, 365); *язычник* (<славянск., М. Фасмер, IV, 551) — с тюркск. jazyq — «степь», jazyqnikı — «относящийся к степи, степняк»; *поганый* (<латинск. pāgānus, М. Фасмер, III, 294) — с тюркск. baq-qaп «пасущий скот, пастух». <...> Эти необоснованные сближения отмечены в опубликованных рецензиях на книгу О. Сулейменова (Кузьмин А. «Точка в круге», из которой вырастает репей. — Молодая гвардия, 1975, № 12, с. 270-280; Владимирова В. Поиск опоры: импровизация или знание? -Простор, 1975, № 10, с. 94-102; Так и при ее обсуждении в ОЛЯ АН СССР (Известия ОЛЯ АН СССР, 1976, № 5, стр. 376-383); Лихачев Д. С. Гипотезы или фантазии в истолковании темных мест «Слова о полку Игореве». — «Звезда», 1976, № 6, с. 203-210)»⁹⁶.

⁹⁵ Баскаков Н.А. *Еще о тюркизмах «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI-XVII веков. - М., 1978. - С. 59.*

⁹⁶ Баскаков Н.А. *Еще о тюркизмах «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI-XVII веков. - М., 1978. - С. 68.*

Удивительная картина: маститый ученый заручается поддержкой других маститых ученых, чтобы самому спеть с чужого голоса.

Однако, главные причины подобных феноменов были нами рассмотрены в главе 1 настоящего исследования. Теперь же необходимо вернуться непосредственно к анализу труда О. Сулейменова.

На наш взгляд, чрезвычайно интересным и полезным является предпринятое в книге «Аз и Я» исследование значения и этимологии используемых в русских летописях этнонимов «торки», «торкины», «берендеи», «ковуи», «черные клобуки», «половцы», «кипчаки».

Для этнонима «торки» в «Советской военной энциклопедии» дано следующее определение:

«ТОРКИ - гузы, узы, - кочевое племя тюрк. происхождения, к-рое выделилось из плем. объединения огузов. К сер. 11 в. Т. вытеснили печенегов и обосновались в южнорусских степях. <...>Наиболее крупным местом размещения торков было Поросье (на р. Роси, притоке Днепра), где был построен г. Торческ. Вместе с берендеями Т. на стороне др.-рус. князей принимали участие в борьбе с половцами. В 12 в. Т. вошли в состав плем. объединения черных клобуков. Постепенно Т. оседали и переходили к земледелию. Часть их ославянилась. Оставшиеся в степях Т.-кочевники впоследствии смешались с половцами»⁹⁷.

Здесь также наблюдается достаточно подозрительное совпадение определения понятия, предлагаемого энциклопедией с текстом главы «Кочевники и Русь». Единственное, что не воспроизведено «автором» словарной статьи, - это установление этимологической связи понятия «торки» с тюркским понятием «торкин» - народ к которому принадлежит жена. Между тем даны ссылки на следующие работы: *Голубовский П. (В.), Печенеги, торки и половцы до нашествия татар, К., 1884; Плетнева С. А., Печенеги, торки и половцы в южнорус. степях, "МИА", No 62, М.-Л., 1958; Мец Н. Д., К вопросу о торках, КСИИМК, No 23, М., 1948.* Ссылки на Сулейменова нет.

Любопытным является наблюдение, сделанное Сулейменовым над этимологией слова «берендей»:

«По примеру торкинов шли на службу к русским князьям и другие тюркские роды, даже не связанные княжеским браком. Чаще всего это были обиженные печенегами, а позже половцами мелкие кочевые роды, которые не выдерживали конкуренции в Диком поле и становились федератами сильных северных соседей. Этих кочевников,

⁹⁷ Жиромский Б.Б. Торки // Советская военная энциклопедия / Под ред. Е.М. Жукова – М.: Советская энциклопедия, 1982

отклонившихся, предавшихся Руси, надо полагать, печенеги и половцы прозвали «беріуді, т. е. предавшиеся, отдавшие себя. В русских летописях - берендеи. (Берінді – в ассимиляции - беренді. І - в русском произношении - и, совпало с окончанием множественного числа. В таких случаях, в единственном числе появлялся рефлекс «й»)»⁹⁸

Этноним «ковуи» соотносится Сулейменовым с «касоги», что можно заключить по указанию на их князя Редедю, зарезанного Мстиславом Удатным. Сулейменов считает ковуев (косогов) тюркоязычным народом. Заметим, что мнения относительно этнической принадлежности касогов в литературе существенно разнятся. Так, И.М. Дьяконов отождествлял их с кипчаками, а немецкий ученый Ю. Клапрот считал их аланами, возводя к ним происхождение нынешних кабардинцев.

К понятию «черные клобуки» Сулейменов обращается неоднократно в разных частях своей работы. Под ними он понимает тюркский народ – каркалпаков. Черные клобуки были на службе у Киевских князей в 12 веке.

Нестандартную, т.е. отличную от традиционных этимологий, интерпретацию Сулейменов предлагает для слова половец. Ср.:

«...Поляне - любимое «племя» летописей; они противопоставляются былым «древлянам», пребывавшим в языческом невежестве. Искусственное книжное образование «поляне» - оседлые, горожане не было принято в качестве нарицательного термина. Причина этому, мне кажется, в том, что корень совпал с народным словом «поль» - равнина, пустошь. Но насаждаемая церковниками оппозиция полис – поль скажется на судьбе проторусской лексемы. Появляется довольно рано (в XI веке) компромиссный термин - «поле» - равнина, где содержание сохраняется традиционное, но форма грецизирована. Он вытесняет из общерусского языка в диалекты старое - поль»⁹⁹

Ср. у Фасмера:

«Пóловцы мн., тюрк. народность на юге Руси, в Молдавии, Валахии (1055–1235), позднее оттесненная татарами-монголами в Венгрию; во всяком случае, связано с др.-русск. половъ "светло-желтый"; ср. Соболевский, РФВ 64, 170 и сл.; ЖМНП, 1886, сент., стр. 154; Пономарев–Гордлевский, ОЛЯ 6, 321 (которые исходят из знач. "голубой"), Куник–Расовский, Semin. Kondak. 7, 252 и сл.; Преобр. II, 94 и сл. Из др.-русск. половци мн. (Пов. врем. лет) происходит венг. palóczok "половцы" (Бюхан, Liber Semisaec. 60). Ср. также кумáнин»¹⁰⁰

⁹⁸ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 105.

⁹⁹ Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. – С. 110-111.

¹⁰⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-9957.htm> (дата обращения: 7.02.2017)

Таким образом, первая часть книги «Аз и Я» в развернутом виде представляет видение автора не только проблемы тюркизмов в «Слове», но и вообще природы взаимодействия древнерусского языка и древнерусской культуры с миром тюрков в период до момента написания «Слова».

Что же касается второй части книги «Аз и Я» (Часть 2. Я), то в ней заложены основы тех концепций, которые лежат в основе книг «Код слова» и «Язык письма», о которых мы уже рассуждали в предыдущих частях настоящего исследования.

Прежде всего следует сказать, что в этой части книги Сулейменов гораздо чаще, нежели в первой, прибегает к перволичностному повествованию, т.е. ведет его от первого лица в буквальном смысле. Это позволяет автору высказать свою глубокую заинтересованность в рассматриваемых вопросах. Можно даже сказать что часть под названием «Я» - это крик души, и в этом смысле Сулейменов позиционирует себя не столько как ученый, сколько как поэт.

Причина столь эмоционального подхода, на наш взгляд, заключается в том, что автор находится в поиске истины и убежден, что находится в правильном направлении в ее поиске. Проблема происхождения тюрков и их культурогенеза – вот проблема, которая не только не решалась наукой как должно, но даже и не ставилась ей в необходимом ключе. Связь шумеро-аккадской цивилизации с прототюрками, неочевидная для историков, но доступная художественному познанию, под пером Сулейменова становится очевидной и даже бесспорной для читателя книги «Аз и Я».

«Благим намерением» автора является привлечение внимания широкой общественности к тому факту, что история тюрков исследована недостаточно, их роль в истории человечества недооценена, а сами они позабыты. Заметим, что Сулейменов считает тюрков одним из наиболее активных этносов древнего мира, оказавшим влияние на становление целого ряда локальных цивилизаций, в том числе и на шумерскую.

Особенно интересными, на наш взгляд, являются гипотезы Сулейменова, касающиеся тенгрианства – доисламской и добуддистской религии тюрко-монгольских кочевников евразийских степей, в которой присутствует культ Тенгри — обожествлённого неба. Заметим, что первым словом, расшифрованным в орхоно-енисейской надписи было именно слово «Тенгри» - рис. 2.5.

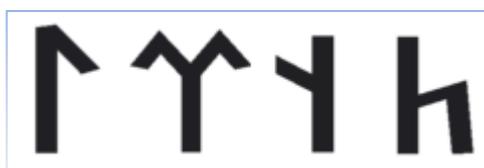

Рис. 2.5. Слово «Тенгри», написанное орхонским письмом

Пережитки тенгрианства автор усматривает во многих культурных особенностях современных тюркских народов, а также народов, испытавших их культурное влияние.

Так, большое внимание Сулейменов уделяет похоронному обряду тенгрианства, ориентированного на буквальное воскрешение из мертвых и тем самым предельно сближающим человека с природой. Удивительна та интерпретация, которую он предлагает для символики металлических чаш, обнаруживаемых в древних захоронениях в Междуречье, на Алтае и в Сибири. Одна металлическая чаша среди множества разбитых глиняных сосудов, помещенных вместе с умершим в захоронении, является, по Сулейменову, символом воскресения. Если же увлечься этим образом, то указанную чашу можно соотнести и со Священным Граалем, который искали альбигойцы и франкмасоны, и с чашей Джамшида, которую стремились очистить от ржавчины (?) герои суфийских сочинений (ср. образ Фархада в поэме Навои «Фархад и Ширин»), и наконец, с той чашей, которая могла бы миновать, но не миновала Иисуса Христа.

Такая особенность тенгрианского похоронного обряда, как обычай осыпать тело умершего драгоценностями, либо, в других случаях бусами, монетами, позволяет Сулейменову усматривать в «Сне Святослава» ту же символику. Половецкие вдовы, осыпая князя крупным жемчугом, готовят его к погребению по тенгрианскому обряду.

Весьма интересны наблюдения автора над шумеро-тюркскими соответствиями, которые позволяют автору с уверенностью утверждать наличие их генетической связи, которая, в свою очередь, доказывает древность тюркского праязыка.

Несмотря на критику, ожидаемо обрушиваемую на теорию шумеро-тюркских соответствий, выведенных Сулейменовым, мы не считаем его взгляд ненаучным. В пользу его теории говорит хотя бы их количество – свыше 60-ти. Считать их случайными совпадениями, как, например, английское *bad* и персидское *бэд* (кровать), по меньшей мере опрометчиво.

«Пересекающиеся параллели» типа Ада (отец) – Ата, Ама (мать) – Апа, анна, шобара (правнук) – нимара (внук) Ерен(воин) Ер Шуба(Пастух) Шупа и т.п. несомненно указывают на родство шумерского и тюркского. Иное дело, который из этих языков древнее и в каком именно порядке установилось подобное родство. Здесь, действительно есть почва для полемики, ибо историческая правда доподлинно неизвестна.

Сулейменов не претендует на звание историка и оперирует по преимуществу только словами, хотя определенные отсылки к данным археологии он все же делает.

В любом случае, его стремление обратить внимание общественности к целому ряду назревших вопросов тюркологии воспринимается нами как благое начинание,

нуждающееся дальнейшем развитии. Сулейменов часто отмечает, что его первой профессией была геологоразведка. Свою миссию он видит в том, чтобы произвести предварительные изыскания, наметить путь дальнейшего исследования. Именно так он и поступает с шумеро-тюркскими соответствиями. Он их обнаруживает, наблюдает, представляет как некие опытные образцы. Делом последующих поколений исследователей является определение правильности и неправильности избранного направления, составление научных выводов и т.д.

Наконец, из всего изложенного выше можно сделать некоторые выводы относительно языковых концепций Олжаса Сулейменова.

Олжас Сулейменов своей работой призывает к возвращению русистики к непредвзятому рассмотрению природы взаимоотношений древнерусского языка с языками тюркских народов, в период раннего Средневековья населявших не только южнорусские степи, но и древнерусские города. По мнению Сулейменова, сознательное демонизирование тюркских народов, равно как и замалчивание их подлинной исторической роли в культурогенезе русского народа, чреваты потерей объективности научного знания. Он призывает также признать факт достаточно высокого культурного развития у кочевников Степи, позволившей жителям Киевской Руси – «страны городов» - воспринимать их культуру.

В этой связи исторической науке необходимо существенно пересмотреть подлинное значение таких государств, как Волжская Булгария и Хазарский каганат.

Соответственно, лингвистический анализ многих древнерусских текстов должен производиться лишь в свете признания того факта, что в процессе сложения древнерусского языка активно участвовал тюркский компонент. При этом Сулейменов настаивает на мысли, что в основном это влияние проявилось до татаро-монгольского нашествия, а не в период ига, как о том говорят и пишут русисты. Основной пласт тюркизмов, по мнению Сулейменова был заимствован именно в период «мира» со Степью, а не в период военного противостояния с ней.

Палеографические исследования текста «Слова» выполнены Сулейменовым с опорой на знание не только восточнославянской, но и тюркской языковой стихии. Благодаря этому многие из так называемых «темных мест» «Слова» предстают тюркскими словами и даже законченными тюркскими фразами, органично и непротиворечиво вписывающимися в контекст.

Заметим, что подход Сулейменова к «расшифровке» алогичных и неудобочитаемых фрагментов текста носит явно выраженный герменевтический характер. Это выражается в том, что исследователь стремится подходить к «Слову» как к источнику

без предварительных установок, т.е., вопреки установившейся практике, «не зная, чего исследователь хочет от источника». Это позволяет Сулейменову, условно говоря, понять, чего «хотелось» автору протографа и переписчикам «Слова». Он стремится вжиться в их мотивации подобно тому, как актеры вживаются в роли своих героев по системе Станиславского. Безусловно, такой подход сближает научное исследование с искусством. Неслучайно герменевтику и определяют как «искусство толкования текста».

Разумеется, мы не хотим сказать, что подход Сулейменова к тексту «Слова» сугубо герменевтический – мы утверждаем, что в нем есть *черты* герменевтического подхода.

Эти черты проявились, в частности, в предельном внимании к самому тексту, к его графическому облику. Заметим, что именно предельное внимание графике как феномену культуры делает всю исследовательскую парадигму Сулейменова весьма оригинальной, хотя и не вполне академичной. В целом же в своем стремлении реконструировать текст протографа «Слова» он преуспевает, по крайней мере, не меньше своих предшественников. Ему, несомненно, удалось сказать новое слово о «Слове», и для нас это непреложный факт.

Главной же заслугой Сулейменова, на наш взгляд, является то, что ему удалось сформировать новый взгляд на тюркизмы в русском языке. Лучшим тому доказательством являются труды современных исследователей, в том числе, молодых, уже чуждые предвзятости и великодержавной ограниченности. Ср. очень нейтральное:

«Необходимость исследования в совокупности этнокультурной лексики русского и тюркских народов диктуется самим материалом: данные по отдельным языкам дополняют друг друга и позволяют определить генезис и пути развития целого ряда понятий и выражений. Русский и тюркские языки и народы за последнее тысячелетие, т.е. в период их формирования в таком виде, в каком мы их сегодня видим, развивались в одинаковых или весьма схожих социально-политических и хозяйственно-экономических условиях, входили в состав одних и тех же государственных образований: Булгарию (Поволжскую Булгарию), Золотую Орду, Казанское ханство и Российскую Империю. Это обстоятельство предопределило интенсивное взаимовлияние»¹⁰¹

Исследуя шумеро-тюркские соответствия, автор определяет пути возможного дальнейшего направления исследований вопросов тюркологии. Считая шумерскую и тюркскую языковые традиции тесно связанными, Сулейменов тем самым призывает ученое сообщество пересмотреть многие устоявшиеся взгляды на периодизацию и прародину древнетюркского языка.

¹⁰¹ Кожевникова Е.А. Тюркизмы в современном русском языке // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». - №1. - 2009. [Электронный ресурс] URL http://grani.vspu.ru/files/publics/25_pub.pdf (дата обращения: 07.02.2017)

Все изложенное позволяет нам считать О. Сулейменова одним из выдающихся деятелей филологической науки, а его языковые концепции перспективными для дальнейшего развития и способными стать методологической основой для всех дальнейших исследований вопроса о тюркизмах в русском языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Олжас Сулейменов – знаменитый казахский поэт, лингвист, тюрко-славист, политик и дипломат, художественное и научное творчество которого получило международное признание. Все его научные исследования о роли тюрков в истории и культурных взаимосвязях между народами древности нацелены на преодоление европоцентризма современных лингвистической и исторической парадигм.

Такая позиция Сулейменова впервые была заявлена им в книге «Аз и Я. Книга благонамеренного читателя» (1975 г.), вызвавшей широкий общественный резонанс и травлю автора со стороны власти и ведущих ученых-славистов 1970-1980-х гг. Сулейменова несправедливо обвиняли в пантюркизме и национализме, усматривая в его теории антинаучное начало. Мы же считаем, что деятельность таких людей как Олжас Сулейменов ни в коем случае нельзя смешивать с явлениями такого порядка. Люди, подобные ему или Чингизу Айтматову, Валентину Распутину, Расулу Гамзатову и другим, являются аристократами духа, которые никого не призывали и не призывают к нетерпимости того или иного свойства. Они просто боролись за право их народов на собственную идентичность, собственную историю, национальный язык.

Послужной список, отражающий лишь трудовую и общественную деятельность Сулейменова, весьма внушителен. Он заставляет думать о нем как о неординарной и чрезвычайно деятельной личности. Высокое служение общественным интересам, реальный, а не показной патриотизм Сулейменова, на наш взгляд, может служить образцом для подражания, делая его одним из наиболее выдающихся наших современников.

Взгляды Сулейменова на историю, при всей их дискуссионности для специалистов, отражают реальный общественный запрос на укрепление национального самосознания, возникший в Советском союзе в 1960-е годы и продолжающий иметь место и в сегодняшней общественной мысли во многих бывших союзных республиках.

Идеи, заложенные в книге «Аз и Я» нашли свое дальнейшее развитие в таких научно-исследовательских работах Сулейменова, как «Язык письма» (1998), «Тюрки в доистории» (2002), «Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь “1001 слово“» (2014) и др. Все эти работы, во многом дистанцируясь от положений официальной науки, развивают культурологические идеи о единстве мира.

Так, производимый в работе «Код слова» этимологический анализ графического знака у Олжаса Сулейменова выходит далеко за рамки собственно лингвистического исследования и обращен ко многим культурологическим концептам и понятиям,

становясь по своей сути философским осмыслением многих цивилизационных процессов. В ходе прочтения этой книги читатель легко может перевернуть в своем сознании целый ряд устоявшихся у него представлений не только о феномене слова или графического знака, но и о природе межкультурных связей народов. Отмечаемое в нашем исследовании отсутствие у Олжаса Сулейменова стереотипов и предрассудков при анализе цивилизационных процессов, происходивших в древности и продолжающихся в современности, на наш взгляд, есть не что иное, как проявление свободы, в том смысле, в каком его понимали французские экзистенциалисты Албер Камю и Жан Поль Сартр.

Понимание О. Сулейменовым природы графического знака во многом восходит к Аксиоматике знаковой теории языка А.Ф. Лосева, и прежде всего к Аксиоме неделимой единичности V (XVII) и Аксиоме раздельности VI (XVIII) знака. История слова (как знаковой сущности) у Сулейменова предстает во многом как история графического знака. Этот графический знак (пиктограмма, идеограмма, буква) воспринимается как неделимая единичность, т.е. определенным образом завершенное, законченное явление, в деталях и частях которой недопустимо изменение, во избежание утраты тождества знака самому себе. То же самое касается и смысла, сигнификата, которым данный знак наделен. Графический облик знака, изначально появившийся как пиктограмма, призванная обозначить некоторое означаемое, в последующие периоды начинает «диктовать», обуславливать собой означаемое. Иначе говоря, по Сулейменову, графический знак в ряде случаев становится фактором формирования новых смыслов, что можно однозначно признать научным открытием.

Аксиоматика знаковой теории языка А.Ф. Лосева приводит в действие схему: «Знак \Rightarrow символ \Rightarrow миф». Следуя логике палиндрома и бустродефонных знаков, Олжас Сулейменов «переворачивает» эту схему: «миф \Rightarrow символ \Rightarrow знак», т.е. развивает идею обратного движения от «мифа» (например, пиктограмма луны как объекта обожествления) к «символу» (иероглиф луны как обозначение неба, горы, могильного холма и под.), а этого последнего – к «знаку» (например, буква «С» как звукообозначение).

В книге «Код слова» автор демонстрирует чрезвычайно смелый и новаторский подход не только к истории языка, но и к истории человеческой культуры, к истории человеческой цивилизации, человеческого рода, преодолевая или игнорируя существующие предрассудки и стереотипы.

Одной из важнейших составляющих историко-лингвистической концепции Сулейменова является критическое, непредвзятое, отношение к историческому источнику.

Это позволило ему развить альтернативную точку зрения на роль тюрков в доистории, на саму природу тюркской филологической культуры. В частности, он предлагает новый подход к решению культурных и языковых взаимосвязей между тюрками и славянами в разные периоды истории. В связи с этим, в его книге, увидевшей свет в 2002 году «Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменностей», развивается идея становления новой науки – тюркославистики.

Книга «Язык письма» поражает именно установкой на изучение форм письма и фонетических соответствий без привычной для этимологии оглядки на данные археологии и других исторических наук. При этом предметом исследования у Сулейменова являются именно те знаки, которые получили свое распространение в доисторические эпохи. Безотносительно к каким-либо данным археологии Сулейменов «произвольно», на основании одного лишь внешнего сходства (а чаще всего и звучания!) утверждает наличие связей между народами, разделенными тысячами километров и столетиями независимого друг от друга культурно-исторического развития.

В этой связи важно подчеркнуть, что Сулейменов рассуждает не о заимствовании СЛОВА, а о заимствовании ГРАФИЧЕСКОГО ЗНАКА, вместе с его названием без перевода и комментария. Далее же, по Сулейменову, интерпретаторы («жрецы») в меру своих творческих способностей и особенностей ментального кода на основании внешнего облика знака определяют для себя значение того комплекса звуков, который является именем знака. С учетом же того, что графика не является частью языковой системы, процесс заимствования пиктограммы, идеограммы, логограммы или даже буквы нельзя признать языковым заимствованием в собственном смысле.

Однако при этом, заимствованная графема может оказать существенное влияние на культуру, послужив прототипом для тех или иных его артефактов. Так, варианты иероглифа солнца , становятся прообразами колеса, китайской конусовидной шляпы, генерального плана города, модели этно- и эгоцентризма и т.д. Утверждая подобную зависимость некоторых аспектов культуры от знака, Сулейменов рассуждает как последователь неоплатонических воззрений А.Ф. Лосева, которые, в свою очередь, восходят к учению имяславцев. Тем самым Сулейменову удастся привнести в этимологию элементы художественного метода познания, причем имплицитно сохраняя идеалистическое (неоплатоническое, лосевское) представление о слове (логограмме), тяготея тем самым к мифу в широком смысле.

Уникальность высказанного в книге «Аз и Я» взгляда на «Слово о полку Игореве» и на русскую историю, «воплощенную» в нем (как в *документальном источнике*) и «отраженную» в сознании автора протографа (как в *художественном повествовании*)

заключается в его непредвзятости. Олжас Сулейменов не имеет предрассудков, которыми страдают «русские всех цветов». Он из тех, кому «правду говорить легко и приятно» (М. Булгаков), хотя и дает своей работе достаточно ироничное название «Книга благонамеренного читателя»

Своим исследованием Сулейменов призывает к возвращению русистики к непредвзятому рассмотрению природы взаимоотношений древнерусского языка с языками тюркских народов, в период раннего Средневековья населявших не только южнорусские степи, но и древнерусские города. По мнению Сулейменова, сознательное демонизирование тюркских народов, равно как и замалчивание их подлинной исторической роли в культурогенезе русского народа, чреваты потерей объективности научного знания.

Палеографические исследования текста «Слова», выполнены Сулейменовым с опорой на знание не только восточнославянской, но и тюркской языковой стихии, благодаря чему многие из так называемых «темных мест слова» предстают тюркскими словами и даже законченными тюркскими фразами, органично и непротиворечиво вписывающимися в контекст. При этом подход Сулейменова к «расшифровке» алогичных и неудобочитаемых фрагментов текста носит явно выраженный герменевтический характер, проявляющийся в том, что исследователь стремится подходить к «Слову» как к источнику без предварительных установок, т.е., вопреки установившейся практике, «не зная, чего исследователь хочет от источника».

Знакомство с работами Сулейменова позволяет по-новому взглянуть не только на историю тюрков и славян, но и на историю человечества в целом. Привнося в научное познание элементы познания художественного, Сулейменов, образно выражаясь, создает удивительный миф о человеческом слове. Этот миф не стремится никого обмануть и ввести в заблуждение. Напротив, он объясняет многое из того, чего человечество не может или не желает объяснить. Подобно пирамиде, он имеет прочное научное основание и обладает несомненной художественной ценностью; он небесспорен и, одновременно, неподсуден; наконец, он предельно ясен и в то же время непостижим.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стер. – М : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. – 607 с.
2. Баскаков Н.А. *Еще о тюркизмах «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI-XVII веков. - М., 1978. - С. 59-68.*
3. Бобров А.Г. Сулейменов О. // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» [Электронный ресурс]. - URL <http://feb-web.ru/feb/slovenc/es/es5/es5-0831.htm> (дата обращения: 05.02.2017)
4. Геоглиф. Материал из Википедии – Свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Геоглиф>.
5. Грамматологический словарь [Электронный ресурс] URL: http://grammatologiya.academic.ru/112/Религия_и_письмо
6. Грот Я.К. Русское правописание. – 11-е изд. – СПб, 1894. – 168 с.
7. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. - СПб. : Кристалл, 2001. - 640с.
8. Даль В.И. Пословицы русского народа // Сайт Хранители сказок [Электронный ресурс] – URL: <http://hobbitaniya.ru/dal/dal81.php>
9. Данилевский И.Н. и др. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н.Данилевский, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская, М.Ф.Румянцева. - М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – С. 26-27.
10. Дмитриев Л.А. Задонщина // Биобиблиографический словарь. Древнерусская литература. [Электронный ресурс]. - URL <http://old-ru.ru/bio/bio35.html>
11. Жиромский Б.Б. Торки // Советская военная энциклопедия / Под ред. Е.М. Жукова – М.: Советская энциклопедия, 1982
12. Иванов В.В. Лунарные мифы // Мифы народов мира [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.mifinarodov.com/1/lunarnyie-mifyi.html>
13. Имяславие. Материал из Википедии – Свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Имяславие>
14. Канапьянов Б. Айналайн, земля моя! // Литературная газета, 18.05.2016, № 18-19 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lgz.ru/article/-18-19-6552-18-05-2016/aynalayn-zemlya-moya> (дата обращения: 29.11.2016)
15. Киплинг Р. Баллада о Востоке и Западе. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ecolife.ru/jornal/liter/2002-4-1.shtml> (дата обращения: 21.01.2017)

16. Кожевникова Е.А. Тюркизмы в современном русском языке // Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». - №1. – 2009. [Электронный ресурс] URL http://grani.vspu.ru/files/publics/25_pub.pdf (дата обращения: 07.02.2017)
17. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. Н.В. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
18. Ломоносов М.В. Российская грамматика. – СПб, 1755. (Факсимильное издание: М., 1985). – 213 с.
19. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М., 1982. – 480 с.
20. Мансур аль-Халладж. Я – Истина [Электронный ресурс]. - URL: <http://advaitaworld.com/blog/sufism/934.html>
21. Маслов Ю.С. Введение языкознание: Учебник для студентов филологических специальностей высших учебных заведений. – М.: Высшая школа, 1987. – 274 с.
22. Монография. Материал из Википедии – Свободной энциклопедии [Электронный ресурс] - URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Монография> (дата обращения 04.02.2017)
23. Олжас Сулейменов. Биография // Сайт 45 Параллель [Электронный ресурс]. – URL: https://45parallel.net/olzhas_suleymenov (дата обращения: 26.11.2016)
24. Олжас Сулейменов: «Нам нужна Россия» // Портал Vохropuli/kz [Электронный ресурс] - URL: <http://www.voxropuli.kz/interview/1154-olzhas-suleymenov-nam-nuzhna-rossiya.html> (дата обращения: 27.01.2017)
25. Официальный сайт Олжаса Сулейменова. Биография. [Электронный ресурс]. – URL: http://olzhas1001.com/Биография_содержимое.html (дата обращения 26.11.2016).
26. Официальный сайт Олжаса Сулейменова. О проекте «Код слова». [Электронный ресурс]. – URL: http://olzhas1001.com/Биография_содержимое.html (дата обращения 18.01.2017)
27. Петух в славянской мифологии // Сайт «История Древнего мира» [Электронный ресурс]. - URL: <http://web-kapiche.ru/582-petuh-v-slavyanskoj-mifologii.html> (дата обращения: 05.02.2017)
28. Потоцкий, А.А. Понимание и интерпретация текста: герменевтический анализ // Управление в социальных и экономических системах: материалы XVIII международной научной-практической конференции, г. Минск, 30-31 мая 2009 г. – Минск, 2009. – С. 310–311

29. Пушкирев, Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. — М.: Наука, 1975. — 281 с.
30. Сартр Жан-Поль. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии / Пер. В.И. Колядко. — М.: Республика, 2000. [Электронный ресурс]. — URL <http://psylib.org.ua/books/sartr03/txt09.htm> (Дата обращения: 22.01.2017).
31. Солнечное затмение 1 мая 1185 года / Материал из Википедии – Свободной энциклопедии. [Электронный ресурс]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Солнечное_затмение_1_мая_1185_года (дата обращения 26.01.2017)
32. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1971. – 250 с.
33. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть 1. - М., 1960 [Электронный ресурс]. URL: <http://philologos.narod.ru/ling/saussure.htm#6> (дата обращения 20.01.2017).
34. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
35. Сулейменов О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. - М.: Грифон М, 2005. - 272 с.
36. Сулейменов О. Код слова. Введение в Универсальный этимологический словарь «1001 слово». – Алматы ОФ Литературный Альянс, 2013. – 88 с.
37. Сулейменов О. Язык письма: Взгляд в доисторию – о происхождении письменности и языка малого человечества // Татарская электронная библиотека [Электронный ресурс]. – URL: <http://kitap.net.ru/sulejmenov/yazykpisma0-02>.
38. Сулейменов О.О. Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркских языков и письменностей.- Алматы: Изд-во «Атамұра», 2002.
39. Сулейменов, Олжас Омарович: Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. - URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сулейменов,_Олжас_Омарович (дата обращения: 29.11.2016).
40. Тюркизмы в русском языке // Материал из Википедии – свободной энциклопедии. [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Тюркизмы_в_русском_языке (дата обращения: 05.02.2017)
41. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-9957.htm> (дата обращения: 7.02.2017)

42. Федеральное архивное агентство [Электронный ресурс] – URL: http://archives.ru/exhibitions/rgia_080610.shtml
43. Федюнькин Е.Д. Склока о полку Игорева [Электронный ресурс] – URL: <http://www.info.jinr.ru/~bljv/igor.htm#Курицы> Тмуторокани (дата обращения: 05.02.2017).
44. Фризман Л. Возмутитель спокойствия. Книга О. Сулейменова «Аз и Я» под огнем идеологической критики // Новое литературное обозрение. – 2002. - № 55. [Электронный ресурс] - URL <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/55/friz.html>
45. Хождение за три моря // Материал из Википедии – Свободной энциклопедии [Электронный ресурс] - URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хождение_за_три_моря (Дата обращения: 26.01.2017)
46. Энциклопедия «Слова о полку Игорева»: В 5 томах / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). —СПб.: Дмитрий Буланин, 1995 <http://feb-web.ru/feb/slovens/es/>
47. Янышев С. Олжас Сулейменов: «Мне нужна была ситуация борьбы и соперничества» // Портал «Новости Центральной Азии», 15.02.2007 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id>.